

АФРО ФИКШН

*За тобой на край Земли, а
обратно без тебя*

ОЛЬГА ГУЛЯЕВА

18+

Ольга Гуляева

Афрофикшн

«Автор»

2022

Гуляева О.

Афрофикшн / О. Гуляева — «Автор», 2022

Кира Наумова мечтает стать успешной писательницей, но обстоятельства складываются против неё. Ни труд, ни талант не приближают к поставленной цели. Она подрабатывает тем, что пишет книги за звёзд и знаменитостей, находит в этом не только возможность для дополнительного заработка, но и шанс кардинально поменять свой уровень жизни. Дыхание перемен чувствуется, когда Киру нанимает гламурная бизнесвумен и джазовая певица Даниела Смолич, которой нужна помощь в написании книги. После успешного дебюта девушки отправляются в Южную Африку для написания второй книги. Там, помимо диких животных, опасных приключений и редких болезней, Киру подстерегает настоящий монстр, притаившийся внутри неё и долгие годы подпитывающийся непониманием со стороны окружающих и мелкими неудачами. На другом краю земли ей подвернётся пусть изощренный, но верный способ достичь признания, богатства, положения в обществе.

© Гуляева О., 2022

© Автор, 2022

Ольга Гуляева

Афрофикшн

Часть 1

Кира

Октябрь 20*0

Еще один удар. В таких ситуациях принято пересмотреть всю свою жизнь, как на быстрой перемотке. Получается легко. Вот она. Ничем особенно не примечательная. Моя жизнь. Раз я уже не чувствую боли и так ясно вижу давно отложенные на антресоли памяти эпизоды из прошлого... Это точно конец.

Мне не страшно, что я умру, но до боли тоскливо, что толком не успела пожить.

Примерно так же я рассуждала в двадцать лет, когда мой парень Семен переезжал в Сан-Франциско и звал меня с собой. Только вместо смерти мне тогда светила эмиграция. У нас были хорошие отношения за исключением одного: я его не любила. Не любила той безбашенной юношеской любовью, которая казалась мне единственно возможной. Он был слишком правильным, умным, немного занудным. А мне нравились очаровательные наглецы, возмужавшие порочные красавчики, перепрыгнувшие неказистый пубертат, травильщики баек и анекдотов. И я тогда подумала: тут, в Москве, еще толком не было жизни, не влюбилась по-настоящему, не испытала головокружительных страстей, сменяющихся безрассудной радостью, о чем я буду вспоминать там за океаном? Как будто и не было этих первых двадцати лет жизни.

Вот если б у меня случился тут идеальный кинематографичный роман, да ещё и закончился бы как-нибудь драматично, то я, познавшая боль саморазрушения от несчастной взрослой любви, такой непредсказуемой и странной, переехала бы с нелюбимым в США.

Семена все звали Семой. А когда он переехал в силиконовую долину, сразу стал Саймоном. Мне кажется, он все это затеял только ради того, чтобы больше не быть Семой. Помню, как он побелел, когда я впервые пригласила его домой, и он узнал, что так же зовут мою морскую свинку.

А я Кира. И я могу быть Кирой где угодно. И это будет органично.

Только теперь, когда мне уже за тридцать, я начала по-настоящему сердиться на себя двадцатилетнюю. Не то чтоб сейчас я устроила жизнь, которой можно гордиться, но у меня теперь хотя бы хватает ума осознать всю глупость своего поведения в прошлом. Меня возмущает лицемерие тех, кто утверждает, что ничего не поменял бы в своей жизни, если б ему представили такой шанс. Я бы поменяла все. И мне не стыдно об этом заявить. Если б мне дали такую возможность, то я как минимум знала бы где свернуть в другую сторону и не валялась бы сейчас в пожухлой листве, избиваемая тремя парами мужских ног.

Юношеский максимализм лишил меня всякой дальновидности. Ну почему я тогда решила, что выйти замуж и переехать в другую страну нужно исключительно по большой любви? Во-первых, никто не отменял возможности «стерпится-слюбится». А в случае с Саймоном мне всего лишь нужно было немного повзрослеть, чтобы оценить все его достоинства и перестать тяготиться его идеальностью. И немного подождать, пока он возмужает. Во-вторых, это был хороший шанс закрепиться в США, выучить язык, построить карьеру и развестись, если будет уж совсем невмоготу. Но мне, максималистке, нужно было все и сразу.

Я и тогда не сомневалась, что Саймон хорошо устроится, но была идиоткой, уверенной, что мне никогда не будет до этого никакого дела. И вот пару лет назад я наткнулась в Фейс-

буке на его счастливое лицо. Нет, он не подвергся какому-то невероятному преобразению, но заматерел и заметно облагородился, так что отпечаток высокого уровня жизни сразу бросался в глаза. Американская мечта. Жена. Дети. Дом в пригороде с садом и белым заборчиком.

А мне, дуре, надо было дожить до тридцати лет, чтобы осознать, как могло бы все сложиться, если б я переехала с ним.

Сентябрь 20*1

Слишком ранняя осень уносила остатки накопленного за лето оптимизма. Но даже холодный дождливый сентябрь не отменял того факта, что именно осенью жизнь начинает свой новый виток, набирает обороты за счет летней энергии, которую мы впитываем лениво и не всегда осознанно.

У меня, как всегда, с первого раза не получается воткнуть стакан с чаем в отведенные для этого пазы. Их целых два, а я настойчиво тычу между ними. Глаза устремлены на дорогу. Плотный поток машин всегда возобновляет движение, когда я собираюсь сделать глоток горячего напитка или откусить круассан. Не столько для того, чтобы утолить жажду или голод, а чтобы не уснуть за рулем. И вот стакан на своем месте, остатки круассана завернуты в бумажный пакет и воткнуты в соседний подстаканник, а мы снова стоим. Я делаю радио погромче, среди десятков пустых утренних разговоров пытаюсь найти хотя бы один, способный вызвать живой интерес и расшевелить мой спящий мозг.

Я не выбирала этот город, проносится у меня в голове. Но и не нашла сил его покинуть. Вечно мрачный, серый и промозглый – с коротеньким перерывом на лето. Моя Москва. Как родитель, который держит родное чадо в особенной строгости.

Тебе нельзя в ночной клуб. Места внутри зарезервированы под более смелых и дерзких длинноногих провинциалок. Пусть они попадают в истории, примеряют на себя все краски столичной жизни, разочаровываются или наоборот реализовывают самые смелые мечты. Твои. Тебе нельзя в МГУ на журналистику или в литературный институт, во-первых, потому что ты мало читала в школе, а во-вторых, потому что там тоже уже все забито более фартовыми и пробивными. И потом, кто же, если не ты, пойдет в маркетинговый ВУЗ, зря что ли его учредили недавно. Да, молодой, непрестижный, на базе вчерашнего колледжа, но его тоже надо кем-то заполнять. Вот закончи его и попробуй выбиться в люди, выделиться среди миллиона маркетологов, это будет настоящим достижением.

Писать я все-таки стала. Написала свой первый большой роман «Восход». Несколько лет пыталась пристроить его в издательство, пришлось как всегда потоптаться в конце очереди за более везучими. Но времени я зря не теряла. Издавала книгу за свой счет, давала читать знакомым, собирала первые восторженные отзывы, которые заряжали энергией двигаться дальше. Завела блог и начала его развивать. Рассказывала про книгу, добавляла лайфстайла и даже начала самостоятельно продавать книги. Но мечты о договоре с издательством только крепили.

И вот примерно полтора года назад одно из ведущих издательств страны предложило мне сотрудничество. У них появилась новая линейка фантастических саг, в которую отлично вписывалась моя история. Мы заключили договор. Но спустя несколько месяцев все рухнуло. Сейчас я не хочу вспоминать о событиях, которые этому предшествовали. Если б они так грубо и бесповоротно не отдалили меня от мечты, то я бы вообще навсегда заблокировала их в памяти. Но в такие серые дни, особенно в такие дни, мне приходится вспоминать, почему я снова плетусь сонная на нелюбимую работу вместо того, чтобы выспаться, выпить чай из домашней красивой кружки и неспешно приступить к любимому занятию – написанию новой книги. Легче

всего было смириться с этим убедив себя, что я отнюдь не домосед. И в принципе мне нравится каждое утро красиво одеваться, делать легкий макияж и куда-то идти.

Хорошо, что моей компании выделили целых десять парковочных мест у небольшого бизнес-центра – здания бывшего особняка недалеко от Киевского вокзала. Хотя бы одним стрессом меньше – не нужно ездить кругами и искать парковку – желательно такую, чтобы к вечеру не разориться и найти свою машину в том месте, где оставил утром, не потратив время до глубокой ночи на возвращение ее со штраф-стоянки.

Когда передо мной, приветливо подрагивая, поднимается шлагбаум, настроение как правило начинает улучшаться.

Храни Господь Андрея Савельича, это мой шеф, за то, что позаботился о сотрудниках-автомобилистах. Если бы мне еще приходилось иметь дело с таким филиалом ада на Земле, как метро, я бы точно в один из дней осталась бы там навсегда, раздавленная колесами поезда и безысходностью.

Настроение и впрямь улучшилось. До входа в здание метро пять, я даже не успею замерзнуть и промочить туфли. Отсутствие необходимости кутаться автоматически поднимало настроение еще на несколько делений.

Наверное, я немного лукавлю, говоря, что не люблю свою работу. Она дает стабильность, которая мне очень важна. Мне стабильно становится тепло, когда я переступаю порог офиса, когда секретарь, всегда приходящая на работу чуть раньше остальных, встречает меня приветствием. Сходу можно перекинуться парой слов о погоде или о последних значимых событиях. Мое стабильное вот уже четыре года место у окна с видом на железнодорожные пути, как будто ненавязчиво напоминает мне, что я в любой момент могу уехать. Далеко. Просто не сегодня.

В десять летучка. Еще достаточно времени, чтобы выпить еще одну кружку горячего чая. В верхнем ящике тумбочки шоколадка, которую мне неизменно подкладывает Вадик из отдела продаж. Нет, он даже не ухлестывает за мной, и в этом вся прелесть.

Наш шеф слегка сумасброден, но в целом не сильно раздражает коллектив. Присутствует текучка. Каждые два-три месяца появляются новые лица. За год почти все сотрудники поменялись. Только три-четыре старожила помнят тот период, когда я не выходила на работу три недели. Но виду не подают. И вообще в офисе меньше всего отрезонировали события годичной давности.

Я пришла в компанию по производству и продаже упаковочной и сувенирной продукции в качестве маркетолога-копирайтера. Занималась сайтом, рекламой, писала продающие тексты. Эти навыки помогали мне и в развитии моего писательского блога. Быть может, издательство тогда обратило на меня внимание именно благодаря моему умению продавать себя как автора и специалиста по текстам и привлекать аудиторию. А еще благодаря своей работе я очень красиво упаковывала книги на продажу, что делало их еще более привлекательными для читателей.

Год назад я попросила шефа перевести меня на работу с заказами. Я была слишком подавлена для творческой работы. Маркетинг у нас был отлажен, и он со скрипом согласился. Так от меня было больше пользы. Ничего не генерировать, а просто реагировать на поток заказов.

Летучка. Я прихожу первая, занимаю место подальше от стола шефа. Хочется, чтобы сегодня меня никто не трогал. Вторым приходит Вадик и ставит передо мной маленький стаканчик с капучино. Я расплываюсь в улыбке: вчера я заметно клевала носом во время летучки. Чертова погода!

– Ты же знаешь... – начинаю я.

– Минимум кофеина и миндальное молоко, – Вадик напоминает о своей осведомленности в области моих гастрономических пристрастиях.

Не мудрено, мы вместе не раз отправлялись в командировки, где я демонстративно морщилась то от крепкого кофе, то от жирных пончиков, то от скользких мидий. Берген, Хьюстон, Шанхай, Бостон – такая обширная география прошедших за последние годы тематических выставок нашей продукции и сопутствующих переговоров.

Вадик женат, но абсолютно оторван от своей семьи, как вечный скиталец в поисках признания, новых связей и больших денег. Он таскал меня по неформальным бизнес-ужинам, где деловые люди искали себе еще более деловых партнеров, а потом на всякие мотивирующие выступления тренеров личностного роста, которые заставляли всех вокруг поверить в себя, порой совершенно безосновательно. Мне было забавно наблюдать, слушать, анализировать. Узнаваемые прописные истины – со сцены, в микрофон, из уст ребят порой намного моложе меня.

Вадик ни разу не намекал на близость, просто опекал и оберегал меня, но иногда переступал черту и мог обидеться или сказать что-то колкое. Я резко осаждала его. Он приходил в себя, и в ящике моего стола появлялась очередная шоколадка.

Вадик всегда пылает энтузиазмом, на работу ходит исключительно в костюме. Одним и тем же. Цветная рубашка сменяется на парадную белоснежную в дни особенно серьезных переговоров, а в волосах появляется запредельное количество блестящего геля. В общем, любит он поважничать, как будто работает не в упаковочной компании, пусть и достаточно крупной, а в головном офисе «Google» или «Apple».

Он живет каким-то светлым недалеким будущим, тратит больше, чем зарабатывает, всегда и везде платит за меня, демонстрируя естественную щедрость, на которую были способны далеко не все мои ухажеры разных времен.

Макс вот любил потратить последнее, не задумываясь о завтрашнем дне, что скорее настораживало, нежели радовало. Вадик хотя бы кипит идеями и находится в постоянном движении, пусть и броуновском. Хотя, с чего я вообще их сравниваю?

Следующими заходят шерочка с машерочкой: Петро (Петр, на самом деле, но вылитый Петро) и Виталик – инженеры. Эти – любители посплетничать и потрепаться по-бабски. Вчера вечером я ходила по корпоративному абонементу в бассейн в соседнем фитнес-клубе, они не узнали меня, когда я проплывала мимо в розовой плавательной шапочке, и продолжали свою громогласную беседу.

Петро рассуждал о бесполезности скидываться на дни рождения коллег. Мелочность в таких вопросах меня раздражает, тем более я всегда скидывалась на год вперед, чтобы не заставлять секретаря несколько раз в месяц ходить с протянутой рукой. И неважно, что кадровый состав менялся, что я и сама могла уволиться в любой момент (смелые мечты). В общем, Петро подбивал Виталика не скидываться на его день рождения. А он не будет на его. Тем более, он всегда приносит угощения приготовленные мамой, а не заказывает дорогущую пищу.

Потом заходит бухгалтерия, дизайнер, еще пара продавцов и секретарь. Секретаря Инессу побаивается даже шеф. Вернее, он устает от ее прыти и не всегда находит в себе силы сопротивляться, на него жалко смотреть, когда Инесса начинает проталкивать одну из своих многочисленных идей или жаловаться на коллег.

Инесса всегда садится максимально близко к шефу. Если рядом не остается свободных мест, то она подставляет стул и подсаживается прямо за его стол, вываливая на последний свою пышную грудь, обрамленную глубоким декольте.

Летучка непростительно растягивается на два часа. Все выходят голодные и приглашаются к столу: отметить день рождения Петро. Увидев любовно испеченные в честь дня рождения единственного сына пироги с плетёной косичкой по кругу, я ощущаю щекотание в районе сердца, а потом и в носу. Вполне вероятно его мама приятная и очень трогательная женщина, которая просто любит своего сына, потому что... не может не любить. А он не может не любить

ее, а значит, что-то светлое есть и в нем. Так я учусь быть терпимее к Петро. Но все равно молча беру кусок пирога и без лишних церемоний ухожу с кухни в свой рабочий угол.

Вечером из офиса я выхожу какой-то умиротворённой от того, что мне почти удалось побороть неприязнь, которая буквально съедала меня изнутри, и умиротворение это выливается даже на мастера маникюра. В последний момент вспомнила про запись и порадовалась, что сегодня есть хороший повод не ходить в спорт-зал, от которого все равно нет никакого толку.

Оказавшись замурованной откидным столиком, обнаруживаю, что забыла наушники в кармане пальто. Обычно я слушаю аудиокнигу или писательские подкасты во время процедуры, которая длится в районе полутора часов.

Приходится слушать мастера – суетливую женщину средних лет, которая очень старается, но постоянно отвлекается то на собственные разговоры, то на работающий телевизор.

Контраст с безэмоциональными азиатками с ровной кожей и идеально прямыми как спицы волосами сегодня меня радует. Я настроена быть добрее к людям, и поддерживаю разговор.

– Как вам Даниела? Нравится? – спрашивает в какой-то момент женщина, судя по бейджу, Наринэ, поглядывая на трансляцию музыкального канала.

На экране крупным планом появляется лицо очень красивой женщины с темными длинными волосами.

– Не знаю, – отвечаю я. – Не знаю ее.

– Джазовая певица. Популярная в Армении. Но корни у нее российские.

Я еще раз пожимаю плечами:

– Джаз, это не совсем мое. Навевает тоску.

Пожалуй, единственное, что мне удалось устроить действительно по-своему в своей жизни, это мой дом. Небольшая, но просторная квартира на третьем этаже с минимальным количеством перегородок. Кухня-гостиная и отдельная ниша для кровати. Телевизор, диван, кухонный гарнитур, барная стойка, кресло, журнальный столик, консоль для работы у окна и вертящийся стул на колесиках.

Когда Саймон уехал, я не захотела возвращаться к родителям, а на съемную квартиру не хватало денег, и тогда я настояла на том, чтобы нашу большую квартиру на Ленинском разменяли. Так у меня появилась студия в Солнцевской новостройке и деньги на ремонт.

Мне нравилось жить в новом районе, но он все же совсем не походил на места, которые манили меня с юности. Это не одноэтажная удобная Калифорния, не величественный и сверкающий Нью-Йорк, не жаркий Хьюстон и даже не деловой Чикаго. Все эти города навсегда остались в другом измерении, в прошлой или будущей жизни. В моменты таких рассуждений мне особенно неприятно напоминать себе о том, что жизнь всего одна, и чем дальше, тем меньше шансов что-то изменить.

Единственное, что мне было подвластно, это обустроить свое жилье на американский манер. Этой идеей я загорелась, когда ездила вместе с Саймоном в Калифорнию по туристическим визам. Он тогда проходил собеседования, а я просто моталась везде с ним. Казалось бы, мне открылся целый новый мир. Но мой взгляд тогда был устремлен скорее внутрь себя, и я на физическом уровне не могла расслабиться и наслаждаться удивительными красотами Калифорнийского побережья. Картинка была отменной, а внутри пустота, разбавленная только ворохом сомнений: я здесь никто, придется начинать все с нуля, вряд ли я решусь на переезд с Саймоном, а он такой воодушевленный, еще даже не подозревает об этом.

Но в интерьеры съемных квартир и жилищ, куда нас приглашали в гости дальние родственники Саймона, давно обосновавшиеся в Америке, я влюбилась навсегда. Лаконичность, мягкие изгибы, много света и светлого в интерьере, общность пространств и благородная простота.

Перед ремонтом я пересмотрела множество интерьеров и сама составила дизайн-проект. И теперь даже в самые сложные времена всегда нахожу упокоение в своей обители. Здесь я написала свою книгу, здесь я собирала своих подруг, сюда приходили жить мои мужчины до той поры, пока наши отношения не изживали себя.

У меня никогда не было цели переехать к мужчине, обосноваться на его территории, но если б даже мне и встретился кто-то с достойной жилплощадью (чего пока ни разу не случилось), мне было бы важно оставить за собой теплый и любимый уголок, куда я всегда смогу вернуться. Проблем с выдворением неугодных никогда не возникало: расставания были быстрыми, и несостоявшийся возлюбленный покидал квартиру одним днем.

В такие моменты мне сразу становилось легче дышать. Последним ушел Макс. Прошел почти год, а мне больше и не хочется никого сюда пускать, и скорее всего, не захочется. Несколько случайных гостей за год, которым даже не предлагался утренний чай – не в счет.

Я рассматриваю свой новый маникюр, сидя на диване с бокалом вина. Пятница все-таки. Хотя бутылку эту цежу с понедельника – по вечерам. В пятницу нужно выпивать не дома. Хотя бы, чтобы как-то выделить этот день, которому весь мир придает такое большое значение. Пятница. Особенно если ты одинокая молодая женщина без детей, работающая пять-два. Но я ничего не успела запланировать, ни с кем не созвонилась, и еще не переступила ту черту одиночества, когда можно пойти в бар одной. В американском кино это смотрится естественно и даже привлекательно, отличный расклад для романтического приключения. Ты ждешь подругу. А она опаздывает. И в итоге про нее все забывают.

Но сам факт, что ни одна живая душа не вспомнила обо мне в пятничный вечер, удручает. Нет никакого настроения отправляться на поиски приключений с осознанием собственной ненужности. Куда приятнее остаться дома, отвергнув шквал предложений. Но их отсутствие по той или иной причине заставляет чувствовать себя несчастной и одинокой.

На пламя в искусственном камине смотреть становится скучно, хоть оно очень красиво отсвечивает в моем бокале, и я включаю телевизор. Не успеваю переключить на «Нетфликс» и попадаю на музыкальный канал, который включала в прошлое воскресенье во время короткой утренней зарядки.

Я бы не придала значения, но сегодня уже видела где-то это лицо. Джазовая певица. Сверкает холодной вычурной красотой. Даниела Смолич – высветился баннер с названием исполнителя и звучащей песни.

Я переключая на «Нетфликс», но оказывается, что закончился оплаченный период подписки. А у меня временно заблокирована карта после вчерашних трех неудачных попыток набрать пин-код в супермаркете. Выключаю телевизор, закидываю босые ноги на диван и смотрю в потолок. События годичной давности начинают прорисовываться в голове с болезненной резкостью.

В тот день моя двоюродная сестра завезла мне годовалую племяншку. Погода была отличная и мы с Максом взяли коляску и отправились на прогулку в центр. Намечались гуляния в честь дня города, которые мы не хотели пропустить.

Мы шли по Большой Дмитровке в сторону центра, малышка спокойно сидела в коляске. Я нащупала в кармане джинсовки немного семечек и предложила Макс. Он подставил ладонь, и я насыпала ему небольшую горсточку. Сама сгрызла пару штук, бросая шелуху прямо на

тротуар. Макс собирал очистки в кулак и смотрел на меня с легким укором. Я сделала виноватое лицо и напомнила, что у меня одна рука занята коляской.

Проходя мимо одного из многочисленных заведений, Макс скинул очистки в урну, но из-за едва заметного ветра они разлетелись по асфальту. Рядом как раз подметала миниатюрная девушка, официантка или хостесс, и кинула в нас укоризненный взгляд. Вслед бросила: «Косоглазый что ли? Уроды». Меня покорила такая грубость, а Макс в этот момент отвлекся на телефонный звонок. Мы остановились, он завернул за угол, как бы прячась от шума улицы, чтобы поговорить. Я стояла посреди тротуара с коляской, хотя мне было неуютно от близости места, где нас только что обругали, пусть даже вполне заслуженно. Макс хотел как лучше, но получилось действительно не очень красиво. Хотелось ускорить шаг, но Макс продолжал разговор, отвернувшись от меня. Я старалась не смотреть в сторону возмущенной сотрудницы общепита, как вдруг она материализовалась прямо передо мной с совком в руке. Я не успела открыть рот, как она взмахнула им, и содержимое в виде семечковой шелухи и дорожной пыли оказалось в коляске, у ног девочки. Я была настолько ошарашена, что среагировала молниеносно, ударив девушку по рукам. В этот момент Макс как раз закончил разговор, обернулся к нам и, не раздумывая ни секунды, в два больших шага приблизился к девушке, замахнулся своей огромной ладонью и отвесил ей большую оплеуху. Шлепнул прямо по лицу. Вроде и не сильно, но хрупкая девушка отлетела в сторону дороги и ударилась в припаркованный вдоль тротуара дорогой автомобиль.

Я услышала свой истошный крик: «Макс, ты с ума сошел!» На секунду мы обе замерли в шоковом оцепенении. Макс же быстро взял меня под локоть и повел дальше по тротуару. Я толкала вперед коляску с ничего не подозревающим ребенком. Девушка следовала за нами какое-то время сыпля угрозами и призывая кого-то из свидетелей: «Вы видели, что только что сделал этот бугай?» Затем она резко развернулась и крикнула нам вслед, что сейчас вызовет полицию.

Макс потянул меня свернуть в ближайший переулок, а потом во двор, через который мы вышли в соседний переулок и зашли в торговые ряды, где было достаточнолюдно, чтобы затеряться.

– Как ты мог? – не унималась я. Мне было важно сию же минуту доказать Макс, как глубоко он не прав, насколько недопустимо поднимать руку на девушку, что бы она ни сделала.

– Малыш, как иначе? Я увидел, что у вас потасовка, что она докопалась до тебя. Ты с ребенком. О чем она вообще думала? Почему к тебе подошла, а не ко мне?

– Но не лупить же ее за это наотмашь, сбивая с ног, – я пыталась говорить спокойно и вкрадчиво, чтобы донести до Макса, что такое поведение недопустимо, что я его не одобряю впредь не приемлю.

Впредь ли, подумала я тогда. Или он уже преступил черту, подняв руку на девушку? Пусть даже на незнакомую, пусть даже на ту, которая пыталась меня обидеть.

У Макса были недостатки, с которыми я почти смирилась. Но этот его поступок, не говорил ли он о том, что я снова выбрала совершенно не того человека? Да, он пытался защитить меня, но таким жутким бесчеловечным способом. Это его животное начало, зашкаливающие феромоны которые так притягивали к нему как к мужчине – все это могло обернуться очень даже неприглядной картиной в будущем, если закрыть глаза на сегодняшний случай.

Я надвинула на лицо очки, чтобы скрыть глаза, стремительно наполняющиеся слезами.

Макс тоже был на взводе. Это радовало. Значит, он и сам немного в шоке от своего поступка. Он метался в надежде замести следы. Ведь эта «дрянь» наверняка вызовет полицию, а на улице кругом камеры.

Я целый день думала про камеры, с опаской поглядывала на Макса, но в конце дня мы даже зашли в открытое кафе, чтобы отметить вторую годовщину нашего знакомства. Не хотелось портить друг другу настроение в один из последних теплых осенних вечеров.

На следующий день я проснулась и как всегда по привычке открыла Инстаграм. Все было красным от уведомлений: отметки, репосты, комментарии, заполненный директ. Наконец-то появились активность и внимание к моей персоне, о которых я так давно мечтала, но внутри все похолодело.

Случилось самое страшное. Видео стало вирусным. Меня узнали. Именно меня, а не Макса, у которого в давно погребенном в небытии аккаунте было не больше десяти подписчиков.

Я всегда так отчаянно пыталась привлечь внимание к своей книге, к своей личности, как к творческой единице, но отклик был совсем мизерным, несоотносимым с усилиями, которые я вкладывала в блог. Заключив договор с издательством, я наконец воспряла. Почувствовала, что больше не одинока в стремлении прославить свою книгу, что у меня появился надежный союзник. Возможности, которые давало сотрудничество с крупным издательством было легко упустить, расслабившись и пустив продажи на самотек, поэтому я активно готовилась к продажам книги, старательно развивала свой блог и надеялась, что в один день все-таки проснусь знаменитой.

И вот этот день настал. Теле- и интернет- новостные источники пестрили заголовками: «Нет насилию», «Жестокое избиение среди бела дня в центре Москвы», «Бойня в День города», «На каждую силу найдется более серьезная сила».

Я посмотрела на безмятежно спящего Макса. И мне почему-то стало жаль его. О степени завидности собственного положения я пока не подозревала. С ощущением сдавленности в горле я начала смотреть сообщения, просматривать отметки на видео. На записи Макс выглядел просто огромным по сравнению с хрупкой официанткой. Я тоже выглядела мелкой, лицо размыто, но как-то умудрились узнать. Слишком старательно я выпячивала свою личность. И вот.

Более ранние новости писали про двоих неизвестных с ребенком. Чуть позже пошли упоминания о блогере Кире Найт @kira_night – начинающей писательнице и ее спутнике Максиме Шевцове – сотруднике МЧС России. Новые заголовки: «МЧС на мыло», «Интеллигенция и быдло – горячая смесь».

В то утро мы занимались любовью как ни в чем ни бывало, но внутри у меня образовалась пустота. Перед глазами стоял вчерашний шлепок по лицу и казалось, что Макс стал совсем чужим, что все это время прятал свою истинную сущность.

Макса уволили из МЧС в тот же день. По заявлению официантки даже завели уголовное дело. Я поддержала его как смогла, свидетельствовала в его пользу, с оговоркой, что не одобряю рукоприкладство и можно было решить вопрос без него. Но и заострила внимание на дерзком поведении «потерпевшей» по отношению ко мне и к ребенку.

Настораживало, что Макс особо не раскаивался, говорил, что официантка сама напросилась. По крайней мере, когда этот разговор поднимался в кругу близких знакомых. Я настойчиво пыталась объяснить своему мужчине, что таким поведением он ставит под удар меня. У той девушки могли оказаться защитники с не менее развитой мускулатурой. Муж, отец, парень, старший брат. И если они решат отыграться, то под удар попадет не он, а я. Макс только махал на меня и говорил, что во мне говорят издержки профессии (пока еще хобби) в виде богатой фантазии.

В соцсетях нарастала травля. Я позакрывала все аккаунты, многих заблокировала. Все ждали, что я как минимум покаюсь, якобы я понятия не имела с кем связалась и тоже являюсь жертвой абьюзивных отношений, но ни в коем случае не пособницей этой неоправданной жестокости. Жертвам абьюза прощают все. Но я ею не была. Я молчала. Ни оправдывать, ни очернять Макса еще больше публично я не собиралась. Никому не было дела до моего творчества, все забыли, что Кира Найт это вообще-то писательница, книга которой скоро выйдет в «Арго» – главном издательстве страны.

Через три дня мне пришло письмо от издательства с уведомлением о расторжении договора: «Мы заботимся о репутации редакции и наших авторов, поэтому в свете недавних событий нами было принято решение расторгнуть договор на книгу «Восход».

«Какого черта?» – взбесилась я про себя, – «Совсем недавно вы выпустили книгу бывшего заключенного, который десять лет отсидел за участие в групповом изнасиловании и убийство!»

Потом меня накрыло отчаяние. Я настрочила редактору письмо с просьбой не торопиться с таким решением. Даже опустилась до того, что пыталась убедить ее, что черный пиар это тоже пиар, что я придумаю, как обернуть его себе на пользу. Уверяла, что к моменту выхода книги эта история забудется. Молила о последнем шансе.

Редактор написала, что было бы неплохо, если б я хотя бы объявила публично о расставании с тираном и осудила его поступок. Но я не видела в Максе тирана и уж тем более не хотела ничего такого выставлять на публику. Но и любви к нему я как будто больше не испытывала. Его глупый необдуманный поступок вышел боком нам обоим. Я не судила его на людях, но между нами выросла невидимая, но очень хорошо ощутимая преграда.

Я сошлась с ним когда-то, увидев доброго заботливого человека. Да, не особо перспективного, но тем сильнее стимул всего добиться самой, не полагаясь на кого-то. Со временем я начала обращать внимание на его повышенную вспыльчивость, но она ни разу не была направлена на меня. Получается, что я закрывала глаза на эту черту? Нет. Я всегда в таких случаях смотрела на него с осуждением и замечала, что тут можно было бы и сдержаться. Со мной Макс всегда был нежен, непоколебимо уверен в моей красоте и регулярно поднимал мою самооценку. Мне казалось, этого достаточно, чтобы любить человека и быть с ним. Да к тому же, мне и не нужен был мужчина добренький ко всему миру. Но не зря говорят, что то, на что закрываешь глаза в начале отношений, зачастую становится причиной из разрыва.

Еще какое-то время мы плыли по течению. Для меня стало очевидно, что я изначально поддалась внутренним компромиссам, чего делать, скорее всего, не стоило. Настал день, когда произошло событие, которое развеяло сомнения по этому поводу.

Это был один из последних ясных сухих дней прошлой осени, и я выбежала на утреннюю воскресную пробежку. Не то чтобы я была на короткой ноге со спортом, просто прочитала где-то, что физическая активность помогает справляться со стрессом. Не где-то конечно, а на странице фитнес-блогера, которая обещала развеять тоску с помощью комплекса физических упражнений, который можно было у нее приобрести вкупе с кураторством. Но я не была готова к какому-либо воздействию на меня извне, да и денег лишних не было, и решила, что пробежка не хуже должна справиться со стрессом и поднять настроение. Кровь так же разгоняется, да и вообще уже пора выходить из затянувшейся депрессии.

В ушах у меня звучала аудиокнига, и я не сразу заметила бритоголовую троицу, которая направлялась ко мне. Они как-будто выросли из-под земли. Так неожиданно, что я резко остановилась и даже попятилась. Огляделась. В парке больше никого. Это определит исход, с уверенностью подумала я. Глядя на лица этих троих, я почему-то ясно понимала, что к чему. Непоколебимые всадники возмездия. Как это я так безошибочно просчитала, что отдуваться за всю эту историю придется мне? Они меня убьют прям здесь или покалечат. Если б появились случайные прохожие (желательно не старушечки или забуддыги), то меня, возможно, просто напугали б. Но поскольку никого – точно убьют.

Секунды тянулись, мне хотелось, чтобы они уже сделали что-то пока моя смиренность не сменилась паникой. Убить мог бы и один. Втроем – точно чтобы напугать. Я шла на попятную. Уже не готова была принять смерть достойно, коленки начали неметь от страха.

Не дожидаясь пока я упаду сама, самый высокий из лысой троицы подсек мне ногу, и я плашмя повалилась на спину, удар смягчило покрывало из пожухлой листвы. Красивое и мягкое. Каждый ребенок, да и взрослый, я уверена, мечтает зарыться в золотистых листьях.

Только не при таких обстоятельствах. Кстати, листва послужит неплохой маскировкой. Найдут меня не сразу. Даже если они подумают, что покончили со мной, не заметив слабенький пульс, вряд ли кто-то обнаружит меня и окажет помощь. Наверху тоже было красиво. Половина листвы еще держалась на своих законных местах на фоне бирюзового неба. Прекрасный день, чтобы умереть.

– Привет тебе от Луизы, – прокомментировал свое действие лысый.

Точно, так и звали ту официантку.

Я молчала.

Удар. В бок. По ноге. Еще один по бедру. Потом выше. Захотелось перевернуться, пока не дошли до лица. Не дали.

– Сестре моей, значит, по лицу, а свою рожу решила спрятать? – слышался второй голос.

У меня мелькнула мысль сдать им Макса. Крикнуть – это все он! Он же тут, в пяти минутах, безмятежно спит дома. Пусть с ним разбираются. У него даже есть шансы их побороть. Они вроде без оружия. Я имею полное право отвести их к Максусу, хотя бы чтобы он меня защитил.

Но он им был ни к чему. Они пришли за мной. И вот он – удар ботинком по лицу. Вкус крови. Небо потеряло свою ясность.

Тот что посередине расстегнул ремень. Тут я уже не выдержала и булькающим от крови голосом выговорила:

– Не надо.

– Серый, правда, хорош, – новый голос вступился за меня. Неужели? На вид все трое готовы были распять и пытаться меня до смерти.

– Сука, – удар в низ живота вышиб из меня остатки сознания.

Из больницы я вернулась в пустую квартиру.

Очнувшись и немного придя в себя, я первым делом попросила Макса съехать до моей выписки. В больницу тоже попросила не являться.

«Сделаем вид, что мы никогда не встречались. Что два года назад я ответила твердым отказом на твоё предложение выпить в том баре».

Не будет Макса – не будет живого напоминания о всей этой истории. Да, останется неизданная книга и удаленный аккаунт в Инстаграм, но зато образуется пространство для новой жизни.

Иногда мне кажется, что я злюсь на него не столько из-за того, что он ударил ее, а потому что был настолько глуп, что не просчитал возможные последствия. Но тут и ко мне много вопросов. Что я делала с ним столько времени, не видя долгосрочных перспектив? Да, в моей жизни было немало необдуманных и дурацких поступков, но не могу же я всегда и во всем винить только себя.

Октябрь 20*1

Сколько бы раз я ни начинала новую жизнь, она мало отличалась от предыдущей. Жизнь без Макса не стала лучше. Вскрылись старые раны, просочилось подзабытое одиночество. Макс с лихвой заполнял собой пустоту, которая часто делала меня несчастной. С его появлением в прошлом остались неудачные романы и безответные влюбленности. За два года он доказал, что не отречется от меня, пока я сама об этом не попрошу. И мне было спокойно, и ничего больше не хотелось. Хотелось только состояться как писатель, начать зарабатывать любимым делом.

Вот уже год я живу свою новую жизнь и даже начала немного писать. Этот зуд прорвался сквозь дебри отрешения. В мою жизнь вернулись тексты. Сначала я начала брать небольшие заказы: рекламные слоганы, посты в соцсетях, лендинги.

Недавно отредактировала и переименовала «Восход» и снова отправила его по издательствам. Текст, конечно, узнаваем, но в редакциях, как и везде, текучка, может, кто-то свежим взглядом посмотрит на роман и не вспомнит скандал годичной давности вокруг имени Кира Найт. Тем более, на этот раз я подписалась своим настоящим именем. Как будто была уверена, что в моей жизни больше не случится ничего, способного его очернить.

Как минимум, я больше не связываюсь с мужчинами, если не вижу в них потенциала для долгих и серьезных отношений. Макс был скорее отдушиной. Больше я не пойду на компромиссы. Все или ничего. Пока ничего. Случайные, ни к чему не обязывающие встречи в барах по пятницам. А для души – общение с коллегами и клиентами, но их едва ли можно рассматривать как потенциальных партнеров. В любом случае, я не готова впустить в жизнь еще хотя бы одного мужчину, который привнесет в нее хаос.

Я достаточно быстро оправилась от тех событий благодаря позитивному мышлению. Уверена, что все плохое происходившее со мной до сегодняшнего дня – лишь стечение обстоятельств. Сама по себе моя личность не притягивает неприятности, нет никакой кармы, судьбы, тем более порчи, а значит, рано или поздно мне повезет. Что-то хорошее обязательно случится – в карьере, творчестве или личной жизни. Поэтому нет никакого смысла заикливаться на негативе прошлого. Иногда энтузиазм начинает пошатываться, но тогда я выпиваю вина и ложусь спать. Мне давно стало понятно, что никакие физические нагрузки не снимают стресс так эффективно, как бокал вина. На этом и успокоилась.

Люблю иногда проводить время в обществе Линды – раскрепощенной метиски с идеальной фигурой и нигерийскими корнями. Меня с ней познакомила Яна, которая когда-то работала у нас секретарем, но потом открыла свою небольшую компанию по организации праздников. Яна была полной противоположностью Линды – кроткой и скромной, но именно она с открытым ртом слушала истории о похождениях Линды.

Линда – вольная художница и модель. На пару лет старше меня, но ее упругая кожа цвета кофе с молоком, кажется, заморозила свою обладательницу в двадцатипятилетнем возрасте.

В компании девочек меня радует отсутствие запретных тем. Все мои одноклассницы и сокурсницы давно повзрослели и считали моветоном обсуждать парней и подробности личной или сексуальной жизни.

С Линдой же мы погружались в то подростковое время, когда ничего на свете не было интереснее, чем обсудить любовные приключения и постельные дела. Можно было не заморачиваться на счет того, как не показаться посредственной пустышкой, а просто наслаждаться девчачьей болтовней.

– До сих пор удивляюсь, как же ты остановилась на Роберте, при таком количестведыхателей? – вздыхает Яна, которая потеряла девственность со своим действующим мужем. Иногда мне кажется, что Яна только из рассказов Линды черпает информацию о мире мужчин.

Линда закатывает свои черные глаза, как бы давая нам, ссыкухам, понять, что ответ лежит на поверхности. Отодвигает пустой бокал из-под пива, кладет свои загорелые локти на стол и говорит:

– Существует только один значимый критерий выбора. Роберт идеально владеет языком. Он подарил мне лучший кунилингус в моей жизни, и это определило его дальнейшую судьбу. И мою. Мужчине можно многое простить, кроме дилетантства в этом вопросе. Недопустимо связываться с мужчиной, если он путает клитор с коленкой.

Яна вмиг погрузилась, а я попыталась сгладить заявление Линды, чтобы поддержать Яну:

– Всегда можно направить, если что-то не так.

– А если он даже не пытается? – чуть не плача спрашивает Яна.
– Тогда сесть ему на лицо! – безапелляционно заявляет Линда.
– Поговорить. Попросить или намекнуть – сглаживаю я. Если он не эгоист, то не откажет.
– И как я пойму, умеет он или нет?
– Детка, тут ты зришь в корень. Ты ничего не поймешь, если не с чем сравнивать. Я бы одолжила тебе Роба, но зная тебя...

Яна морщится и вжимает голову в плечи, всем своим видом давая понять, что этот вариант не подходит.

– Так и знала, – Линда разочарованно ловит ртом трубочку своего коктейля.
– В интернете много видео, – со знанием дела говорю я.
– Все, что творится в интернете – по мнению Никиты – разврат, – вздыхает Яна.
– Мы в старших классах практиковались с девочками, – вступает Линда. – Никто не почувствует тебя лучше, чем обладательница клитора и вагины. Зато когда у нас начались отношения с мужчинами, мы уже обладали жесткими критериями оценки их умений.

Общество Линды – как крепкий алкоголь. Сначала им упиваешься, чувствуя себя смелой и развязной, а потом тошно до треска в голове, и думаешь – с ней никогда больше. А потом все по-новой.

– Серьезная конкуренция. Должно быть, немало было разочарований? – предположила я. И добавила: – Мы с девочками практиковали только поцелуи в засос.

– А я на помидоре тренировалась, – подытожила Яна со скорбным видом.
– Растереби уже своего Ники, а то скоро пойдешь в разнос. Невозможно долго прожить с человеком, который не удовлетворяет таких естественных потребностей.

После того как Линда отправляется к своему чемпиону по оральным ласкам Роберту, а Яна к консерватору Никите, в разнос ухожу я.

Мне редко кто нравится в барах, но сегодня концентрация одиноких привлекательных мужчин зашкаливает. Один из них просит бармена обновить мне бокал с вином. Я улыбаюсь в ответ, смотрю на его губы, язык и прикидываю насколько умело он способен их использовать.

От хандры меня всегда уберегала уверенность в том, что то положение вещей, которое есть сейчас – временное. Что я точно не буду до конца жизни торговать картонными упаковками и писать в стол. Грело ощущение чего-то значимого и глобального там, на горизонте. Но годы летят слишком быстро, а ничего не происходит. После тридцати это ощущается особенно остро. Восемь лет работы в упаковочной компании пролетели незаметно. А за стенами офиса только выходные и вечера, большую часть которых я провожу на диване перед телевизором с бокалом вина или за письменным столом перед компьютером. Что заставило меня пойти на этот компромис и довольствоваться столь малым?

Работа над книгой придает значимости моему существованию. Да, я должна ходить в офис, чтобы обеспечивать себе постоянный доход, но жизнь не вертится вокруг того, чтобы есть, спать, исправно платить коммуналку и выпивать по пятницам в барах, а по выходным иногда ходить по музеям и на бранчи с друзьями. Должно быть что-то еще. Поэтому я пишу книгу. Я выше будничных мелочей. Пока писательство не кормит меня, но когда-нибудь все изменится. Я не просто начну зарабатывать на книгах, но стану значимой фигурой в литературной тусовке. А это значит – приглашения, интервью, выступления, автограф-сессии. Вот тогда-то и заживу. Очень хочется жить, но не получается. Все вокруг оказывается пустым. Или эта пустота внутри меня?

В меланхоличном состоянии меня застает Линда.

– Алло! Кирюнич! Как догуляла вчера?

– Привет. Уехала сразу после вас, – соврала я.
– Значит, выспалась! – заключила она. – Отлично!
Ну допустим.

– Я видела, ты снова ведешь блог и берешь заказы?

Я правда завела блог. Совершенно безличностный. Для общения с единомышленниками из писательской среды и для поиска клиентов. Я больше не вкладывала деньги в собственное продвижение, не пыталась стать заметной общественности всеми возможными способами. Но по поисковику мелкие заказчики иногда находят меня.

– Да, вернулась к работе с текстами наконец.

– Поздравляю тебя! Я всегда говорила, что твой талант зарывать нельзя!

Линда, правда, не читала моих текстов, ну ладно.

– Спасибо.

– Слушай, я тут сейчас пью кофе с одним человеком...

Я посмотрела на время. Одиннадцать. А она уже на встрече. Как так умудряется? Всегда в движении, всегда общается с кем-то.

– Он депутат от нашего северного округа. Так вот у него очень интересная биография, – Линда отвлекается на секунду. – А да. Путь. У него интересный путь. Он был предпринимателем, госслужащим, даже мастером спорта... Ага, да... – она благодарит подсказчика. – В общем, он хочет написать книгу, и ему нужен этот, как называется...

– Райтер, – подсказываю я.

– Точно. Он сам не справится. Сочинения в школе плохо писал, – прыснула она.

– Понятно.

– Но он хочет, чтобы авторство оставалось за ним.

– Естественно.

– Может быть, в книге будут упомянуты другие деятели. С ними тоже нужно будет проводить интервью. Я сразу подумала о тебе. Ты бы взялась? Сколько это может стоить?

Вот оно. Крупный текстовый проект. Общение с успешными интересными людьми. Дополнительный заработок. А по итогу, свое дело, может быть, даже агентство. Свободный график.

– Ты знаешь. Мне интересно. Я бы попробовала. Правда, опыта такого у меня пока нет, поэтому цена будет ниже рынка. Но в любом случае нужно провести собеседование, чтобы понять, сработаемся ли мы.

В теории я представляю, как работают райтеры, или, как их чаще называют, гострайтеры – от английского «ghost». Приведение, эфемерное существо, которое никто не видит. Оно незримо присутствует за плечом того, кто называет себя автором книги, но именно оно, это приведение, обращает мысли автора в литературную форму.

Я слышала, что если автор оказывается незаурядной личностью с богатым жизненным опытом и историей успеха, то работа может получиться очень увлекательной. Конечно, я уже предвижу и громадную ответственность и стресс – все-таки это работа с людьми – но загораюсь идеей.

Вечером того же дня я встречаюсь с депутатом в его офисе. Его зовут Роман Корасев, и он сходу начинает рассказывать мне почему и как давно работает без выходных. Я слушаю его местами путаную речь, но идея стать настоящим гострайтером настолько поглотила меня за последние часы, что даже если бы он говорил по-китайски, я бы убедила себя, что мне все понятно и с этим материалом можно работать.

В целом он славный малый. Много инициативы, свежих мыслей, рвения. Я бы даже проголосовала за него.

Окончательно меня убеждает аванс, который падает на мою карту до того, как я успеваю распрощаться с депутатом.

Зайдя домой я сбрасываю туфли и сумку на ходу, кидаю ключи на комод у входной двери и сажусь за ноутбук. Нужно набросать план, идеи, как-то систематизировать все, что он сегодня мне наговорил.

Чтобы заработать такую сумму, мне обычно нужно написать четыре или пять статей или других небольших текстов. И с каждым клиентом нужно все обговорить, установить контакт, каждому угодить. Это настолько выматывает, что полученные копейки за работу не приносят удовлетворения.

Конечно же, я тревожусь, что не смогу на должном уровне реализовать задумку Романа, но нужно пробовать, нужно отработать аванс и получить следующий.

Я уже два часа не отрываюсь от компьютера, и в какой-то момент мне становится жарко. Я накидываю пальто, достаю из верхнего ящика комода сигареты, беру телефон, ключи и выхожу во двор.

Очень теплый октябрьский вечер. Судя по количеству машин во дворе, многие решили провести выходные за городом. Я занимаю одну из лавочек напротив детской площадки и с удовольствием закуриваю. Вдруг откуда ни возьмись появляется не в меру активная детвора лет четырех-пяти в сопровождении мамочек, косящихся на меня с явным неодобрением. Дети начинают кругами бегать около меня, врываясь в дымовое облако от сигареты. Мамочки не выдерживают и бросают в мою сторону что-то насчет детской площадки. Я закипаю. Хочется сказать им, что этот двор не только для тех, кто обзавелся потомством и решил выгуливать его круглосуточно, к тому же горки и качели совсем в другой стороне. Но я молча встаю и отсаживаюсь на самую дальнюю лавочку. На задворки, туда, где привыкла отсиживаться по жизни.

Дети давно не вызывают у меня трепета. Они раздражают не меньше, чем я их мам своей сигаретой. Беспардонные и шумные. Совершенно не приспособленные для общественных мест. Эти мамочки, выводя своих чад в свет, перекладывают с себя ответственность на тех, кто не подписывался на умиления их отпрысками.

Исключения составляют моя племянница и дети некоторых подруг. Когда-то я относилась к рождению этих маленьких людей, как к великому таинству и привыкла относиться к ним по-особенному. Нет, мне не стыдно. Я знаю, что никто не любит чужих детей.

Своих я не завела и хотя бы поэтому имею право курить где и когда захочу. Разве это слишком высокая цена за то, что меня, возможно, никто и никогда не назовет мамой? От этой мысли я смачно затягиваюсь, беря свое.

Был период, когда я очень хотела ребенка. В двадцать родила моя лучшая подруга. Параллельно начали залетать однокурсницы. Такие молоденькие хорошенькие, немного растерянные, но невероятно гордые своим статусом. На зачеты и экзамены приходили с симпатичными округлившимися животиками, брали академки. Я смотрела на них заворожено, как на инопланетян. С одной стороны восхищаясь их героизмом, с другой – немного жалея за предстоящую несвободу. А как же клубы, вечеринки, романтические приключения? Будучи сама еще ребенком, я одновременно видела особое очарование в статусе молоденькой мамы.

Хорошо, что тогда я не поддалась на импульс. Да и подходящих отношений не случилось. А потом повзрослела, осознала всю степень ответственности и порадовалась тому, что сохранила свою свободу. Кто бы что ни говорил, дети навсегда отщипывают часть тебя. Я наблюдала за этим со стороны. Иногда с ужасом, иногда с завистью. Но в итоге отпустила ситуацию. Время еще есть. Тем более материнство привлекало меня все меньше и меньше. После того, что случилось год назад, моя двоюродная сестра Катя больше не просила меня посидеть с ее дочкой. Да и виделись мы всего пару раз на обязательных семейных встречах. Я не испытывала досады по поводу того, что наше общение сходит на нет. Куда больше меня расстраивало то, как запустила себя молодая женщина. В свои двадцать пять она превратилась в старушечку, заикленную на своем здоровье, здоровье своего ребенка и несчастного мужа, который еще не

устал потакать ее строгому режиму. Все устроилось так, как будто в семье родилась не здоровая малышка, а ребенок-инвалид, который требует особого внимания и перекройки всей жизни, которая была до.

Я прекрасно понимаю, что кто-то заполняет детьми пустоту, и в моей жизни этой пустоты было предостаточно. Но что-то подсказывало мне, что заполнить ее детским плачем – далеко не лучшая идея.

Хорошо, что именно сейчас, в период душевного онемения и ощущения какой-то безысходности, Линда свела меня с серьезным клиентом. Новое направление деятельности связанное с текстами увлекло и поглотило меня.

Так получилось, что после размена квартиры мои родители остались жить в том же доме, где я выросла. Просто из четырехкомнатной квартиры они переехали в двушку тремя этажами ниже. А разницы хватило мне на квартиру в Солнцево. Я не особенно поддерживала их решение, но и спорить не стала, раз уж они так привязаны к прошлому. Ну и у меня была возможность возвращаться в по-настоящему отчий дом. От Солнцево до Ленинского я добиралась за пятнадцать минут. Видимо, родителям было важно сохранить ликвидную недвижимость ближе к центру в исторически элитном месте, хотя мы могли переехать в один район.

И с одной стороны приятно вдыхать вместе с запахом подъезда детские воспоминания. С другой – есть у меня сентиментальная черта, которая мешает жить. Например, каждый раз, проезжая на старом гремящем лифте мимо второго этажа я вспоминаю нашу соседку Антонину Федоровну, которая почти до восьмидесяти лет занималась автострахованием. Я начала оформлять у нее полисы ОСАГО еще когда жила тут. И закончила пару лет назад, когда позволила мама и сказала, что Антонину Федоровну сбила машина.

Теперь я часто вспоминаю ее темные круглые глаза, пятикратно увеличенные линзами очков в грубой оправе. И каждый раз у меня ком в горле, каждый раз щекочет в носу, а глаза застилает мутная пелена. Ее знали все в округе, она страховала весь район. Таким успехом пожилая женщина была обязана сарафанному радио, ведь на первый взгляд производила впечатление городской сумасшедшей. Но на самом деле, в прошлом преподаватель математики в ВУЗе, она сохранила яснейший ум до последних дней.

Каждый раз, когда я заходила к Антонине Федоровне оформить полис, она предлагала мне чашку чая, и мы минут десять обсуждали последние новости и общих знакомых. С ней я не чувствовала разницы в возрасте. Умная такая задорная девчонка в старушечьем облики. Очень жаль.

Почти всегда, возвращаясь в родной район, я натыкаюсь на Оксану, соседку с верхнего этажа. Она вышла замуж и родила дочь, когда я закончила школу. И с тех пор она не менялась. Звучит неплохо. Но на самом деле, глядя на нее, кажется, что время остановилось. Над ней невластны не только годы, но и мода, тренды. Ей чуждо всякое желание перемен, экспериментов над внешностью и стилем. Который год гладко зачёсанные назад и заплетенные в тугую косу несвежие волосы, синие чуть расклешенные джинсы (еще с тех времен, когда мода на клеш не попыталась раза три вернуться), красная приталенная куртка, черные ботинки. В зависимости от сезона одежда незначительно варьировалась. И вроде мне не должно быть до нее никакого дела, но каждый раз хочется залезть к ней в голову, чтобы разведать, что делает ее такой спокойной и уравновешенной (ее губы никогда не покидает легкая улыбка, она не выглядит несчастной, отнюдь!), только вот у меня почему-то всегда портится настроение при виде ее.

Может быть, на каком-то слое подсознания именно из-за нее у меня сформировалось стойкое отторжение к браку. Мне заплетут тугую косу, выдадут униформу замужней женщины

(минимальный набор), распишут обязанности, в которые будут входить бесконечные походы в детский сад/школу и обратно, прогулки с собакой до ближайшей Пятерочки.

Консервативные родители и консервативное окружение сделали из меня очень сдержанного ребенка, убежденного в том, что в юном возрасте нет и не может быть ничего привлекательного. Вот повзрослею, тогда и заживу. Так я и сдерживала себя до семнадцати лет. А потом оказалось, что многие возможности упущены, что внутренний стержень нужно было начать закалять раньше, учиться разговаривать с людьми, не только с ровесниками, но и со взрослыми, как с равными, не ждать, а брать, не зажиматься в углу, извиняясь за собственное существование, а идти напролом с высоко задраным подбородком.

Так, привыкнув довольствоваться малым, я оказалась не в лучшем ВУЗе, так я пропустила самые яркие московские тусовки и уступила кому-то лучших кавалеров. А кто дышал полной грудью? Балованные дети, привыкшие получать самое лучшее. Те, кого не ограничивали в карманных расходах, одевали во все самое модное (пусть и с рынка, тогда это было очень хорошо), кого возили по секциям, проталкивая в солисты или ведущие танцоры. Девочки с хорошей пластикой, спортивной закалкой и поставленным вокалом увереннее входили во взрослую жизнь. Я же росла как сорняк. Но ни разу не упрекнула своих родителей в этом. Опять же элемент воспитания, единственный, о котором я ни разу не пожалела. Нет смысла винить кого-то кроме себя. Это я усвоила рано.

Словом, нечастые посещения родного дома не то чтоб разжигали во мне костер приятных воспоминаний. Легкая ностальгия, кусочек памяти, который не очень хочется ворошить, но и выкинуть жалко.

С семейным обедом тоже дела обстояли неоднозначно. С одной стороны приятно, когда тебя встречают накрытым столом, кормят любимыми с детства блюдами, с другой – взамен от единственной дочери ждут подробного недельного отчета. Или двухнедельного, или месячного, если я пропадаю совсем уж надолго. Но если уж пропала, будь добра обоснуй, что не зря. Что провела это время с умом.

Особенно легко было приезжать к родителям после дальних командировок и рассказывать про страны, в которых они никогда не были, да и я не побывала бы, если б не работа. Но если я месяцами сидела в городе и каждый день ездила в офис, то мне хотелось кричать: каких новостей и достижений вы от меня ждете? Я работаю в упаковочной компании! И так изо всех сил стараюсь подходить к своей работе творчески! Большого из нее не выжать.

К моим писательским успехам родители не проявляли особого интереса. Просто не верили в мой талант. Я не обижалась, ведь толком еще никого не удалось убедить. Но сегодня мне хотелось поделиться новостью о том, что возможно совсем скоро тексты начнут приносить мне хорошие деньги. Я увлеченно рассказала им про своего первого клиента, и только под конец прикусила язык. Интересно, правило неразглашения распространяется на самых близких лиц? На всякий случай попросила родителей никому ничего не рассказывать.

Сегодня из отчетного дома я вышла с чувством выполненного долга. Я не молчала, уткнувшись в тарелку, выдала хорошие новости и теперь могу отправиться туда, где меня будут не просто слушать и оценивать, туда, где завяжется живой диалог.

– Дети эгоистичны, требовательны, поверхностны. Я сожалею о многих вещах в своей жизни, но не о том, что у меня нет и, возможно, не будет детей.

– Вот это я удачно зашла, – восхитилась я репликой Линды, небрежно наматывающей стеклянную лапшу на палочки.

– Привет, дорогая! Садись, мы уже все заказали.

На столе было ассорти из роллов. После обеда у родителей я походила по магазинам торгового центра, так что успела немного проголодаться к ужину с подругами.

– Так чем вам детишки не угодили? – поинтересовалась я, устраиваясь на диване рядом с Яной. Мы с ней, как правило, сидели напротив Линды, потому что именно та устраивала основное шоу.

– Да Янчик ноет, что Никитос никак не заделает ей ребеночка. Вот скажи, Кир, велика беда?

– Нашла кого спросить, – фыркнула я и рассказала, как меня раздосадовал вчерашний случай на детской площадке.

– Коровы! – в сердцах поддержала меня Линда. – Если бы вы знали, как меня раздражает обожание, с которым каждый родитель относится к своему чаду. Хочется поскорее уйти, когда начинается подобный спектакль.

– Я уже молчу о том, как «удачно» погуляла с племяншкой в прошлом году.

– Ой, не говори. Это мрак.

– Ребенок тут, конечно, не при чем...

– Да еще как при чем! Тебя приняли за мамашку, а этот образ «женщина с коляской» для многих, как красная тряпка для быка. Потому что именно они зачастую сами всех задирают, поучают. Вот вчерашняя история. Далеко ходить не надо!

– Ой, девочки, ну не могут же все вокруг просто так говорить, что дети это счастье, смысл жизни? – подала тоненький голосок Яна.

– Смысл жизни это свобода! Осознание, что я в любой момент могу изменить свою жизнь делает меня счастливой. Я могу менять работу, переезжать из одной страны в другую, путешествовать. Могу менять мужиков, если надо, не заикливаясь на одном, только потому что он отец, – убедительно проговорила Линда.

– Матери-одиночки тоже не жалуются, – возразила Яна.

– Опять же, выбора нет. Или ты готова еще и одна остаться с этим грузом и ответственностью?

– Нет, но мы так давно с Никитой. Он меня не бросит.

– Он не бросит. А ты? Так и будешь довольствоваться малым? Он научился тебя удовлетворять?

Яна покраснела и поперхнулась комком риса.

Я не выдержала и рассмеялась.

– Линда, хватит. Давайте поедем спокойно.

– Запивай, слабачка, – посоветовала Линда Яне. – Мохито нетронутый стоит, а я уже третий Космополитен допиваю.

Яна впиалась в трубочку, увязшую во льдах мятного напитка. Мне девочки заказали мой любимый Апероль. Но вскоре я перешла на Лонг Айленд. Легкого освежающего напитка с горчинкой стало недостаточно, чтобы поддерживать темы поднимаемые за столом.

– Сходите на свинг-вечеринку, – предложила Линда.

– На что только не готовы пойти люди ради сохранения семьи. Если тут вообще уместно понятие семья? – покачала я головой.

– Но нам не надо ничего сохранять, у нас все хорошо, – возразила Яна.

– А я и не говорила про сохранение. Это про добавить красок в устоявшуюся семейную жизнь. Сексуальную жизнь. Мы вот с Робертом ходим, – Линда непринужденно поднесла треугольник бокала к пухлым губам.

– Ты не боишься, что Роберта растерзают за его умения? – спросила я.

– Ну в буквальном смысле не растерзают, зато обзавидуются мне точно. – А вдруг Яна бросит Никитоса после такого умопомрачительного опыта?

– Ну, Роберта я к ней не подпущу. Это перебор даже для меня. Не будем друг друга смущать.

– Куда уж там! – продолжала веселиться я. – Просто зайдете вместе и договоритесь встретиться на выходе через час.

– Пойдем с нами.

Настала моя очередь поперхнуться.

– В качестве кого? У меня и так сейчас каждый раз первый. Освежать нечего.

– Да и стесняться не перед кем.

– Ну уж нет. Пойдемте в караоке, а? Еще не слишком поздно.

Титанических трудов мне стоило вспомнить, куда мы отправились после караоке. Какое-то людное танцевальное место. Откуда столько народу в ночь с воскресенья на понедельник? Целующаяся с кем-то в темном углу Яна, рыдающая потом от чувства вины. Наблюдающая за всем этим Линда, величественно восседающая за барной стойкой и угощающая фирменными коктейлями от заведения. Со мной, она кажется тоже делилась, когда я ненадолго покидала танцпол.

Этим утром я открыла глаза только чтобы наткнуть сообщение секретарю: заболела, не приду. Прекрасно. Выплюсь и поработаю над книгой депутата. Но тревожный прерывистый алкосон не приносил облегчения. Пришлось перестать себя мучить и уткнуться в телефон.

В инстаграм поступил новый запрос на переписку. От пользователя @edich_event. «Здравствуйте. Вы пишете книги на заказ?»

Я сразу зашла на страницу отправителя. Молодой мужчина голубоватой наружности, тусовщик, деятель шоу-бизнеса, или, скорее организатор звёздных тусовок, поскольку в описании профиля написано что-то про ивент. Захлестнувший меня азарт быстро сошел на нет. Этот петушиный облик не внушал доверия. А голова трещала так, что я готова была отшить даже пресс-секретаря главы государства. Ведь президент сам вряд ли обратился бы ко мне напрямую.

«В каком жанре книга?» – на всякий случай я задала резонный вопрос.

«Женский роман» – быстро пришел ответ. Чепуха, какая-то. Ничего определенного. Я не буду сочинять роман за кого-то. Мне нужен внятный материал. А не просто желание написать женский роман от странного типа педерастического вида. Вышла из приложения, откинула в сторону телефон и переползла на соседнюю подушку, которая приятно холодила горящее лицо.

Получилось подремать полчаса. После чего я все-таки заставила себя встать и принять душ. Голова все еще раскалывалась, и пока закипал чайник, я с неприкрытым намерением начала поглядывать на кровать,.

Снова открыла Инстаграм и только тогда вспомнила об утренней переписке, которую сама же резко прервала.

«Я остановился в гостинице «Four Seasons». Мы могли бы встретиться сегодня до обеда и все обсудить?» От слов «сегодня до обеда» я поморщилась, часы показывали одиннадцать, а я еще в каком-то другом измерении. Но место пребывания потенциального клиента звучало соблазнительно. Такой человек наверняка не поскупится на услуги гострайтера. Мне и раньше поступали предложения написать книгу совместно, но многие ожидали, что я сделаю это бесплатно, с перспективой разделить в будущем проценты от продаж, или за очень небольшую сумму.

Нежелание упустить возможность взять в работу еще один перспективный контракт заставило меня внутренне собраться. «Могу быть в 13-00» – написала я. «Буду ждать вас с Силк Лаундж. 1 этаж.», – тут же пришел ответ. В нем еще был номер телефона и подпись «Эдик».

Вроде адекватный и вежливый. В другой ситуации даже без надежды на положительный исход переговоров я бы с удовольствием развеялась. Ни разу деловые переговоры (в рамках

моего собственного маленького бизнеса) не проходили в таких местах. Но сегодня мне пришлось заставить себя.

Я приехала на десять минут раньше. Без труда нашла светлый просторный зал с огромным камином и великолепным видом на Манежную площадь. Чувство собственной значимости окончательно вытеснило остатки похмелья. Я позвонила Эдику и сообщила, что уже на месте.

– Мы как раз заканчиваем другую встречу в «Национале» и бежим к вам, – деловито ответил приятный мужской голос.

Мы. Интересно, он не один собирается писать свой женский роман?

У меня было время пофотографировать для Инстаграм интерьеры шикарного зала и изучить меню. Хотя заказывать я ничего не собиралась, просто был интересен порядок цен в таких местах. Похвастаться встречей с клиентом перед подписчиками сейчас тоже было невозможно. Я же болею по официальной версии. А кто-то с работы наверняка уже просочился в мой сравнительно новый блог и плотно засел там в роли наблюдателя.

Они появились с пятиминутным опозданием. Да пожалуйста, главное, что я не опоздала. Эдик оказался зрелым (лет тридцать восемь), но сильно молодящимся живчиком со всеми признаками метросексуала. Углубляться в размышления о его сексуальной ориентации не было ни времени, ни желания, ни необходимости. Мы тут в первую очередь для того, чтобы понять, сработаемся ли. Он вежливо поздоровался и явно любовался мной несколько секунд, поглядывая на свою спутницу и, как мне показалось, ища ее одобрения. Она разговаривала по телефону, а он тем временем огорошил меня предложением что-нибудь заказать. Я скромно ткнула пальцем в Капучино, когда подошел официант.

По его просьбе я рассказала о себе, своих книгах и литературных успехах. Он продолжал оценивающе меня рассматривать и задавать немного наивные вопросы. Я сходу давала пояснения, демонстрируя свою компетентность. Сначала хотела сказать, что сама новичок, но поняв, что передо мной полные профаны в литературном и издательском деле, решила не заострять на этом внимание. К тому же, они претендовали на роль уже второго моего клиента!

– Так! Давайте начнем сначала. Кира, простите за сумбур. Не успел представить вам Даниелу. Она и будет автором книги. А я ее пиар-менеджер.

От волнения я настолько сфокусировалась на Эдике, что только сейчас переключила внимание на молодую женщину, сопровождавшую его. Только потом я буду вспоминать нашу первую встречу и удивляться, как же так я не придала никакого значения ее появлению? Я ее даже не сразу узнала.

Длинные каштановые волосы, пухлые четко очерченные губы, темные глаза под полупрозрачными стеклами очков, аккуратные брови и прямой красивый нос. На ней была обычная черная водолазка, джинсы, большая часть фигуры скрыта под плащом, который она пока не сняла, и зеленые замшевые туфли лодочки. Да, на улице подсохло, но на таких можно передвигаться только до такси. Или вот так между двумя лучшими отелями города, которые находятся через дорогу друг от друга.

– Даниела – джазовая певица. И это только одна из ее ипостасей, – продолжил Эдик. Она хочет написать книгу для женщин. Переплавить свой жизненный опыт в текст.

Эдик сходу назвал несколько примеров похожих книг, о которых я никогда не слышала. Мне пришлось задать несколько уточняющих вопросов, но не все ответы вносили ясность.

Даниела была очень мила и постоянно извинялась за что-нибудь. Лишена всякого высокомерия, полна непосредственности. Сообразив, наконец, кто здесь банкет и будет моим непосредственным шефом, я наполнилась восторгом. Мне захотелось поработать с ней.

Подытожив свое видение формата работы над книгой, Даниела сказала:

– Кира, мы будем с вами лучшими подружками, вы будете знать обо мне так много, как никто. У меня столько историй для женщин припасено. И кажется, мы смотрим в одном направлении. Эдичка, ну что скажешь? Подготовишь договор?

Эдичка задумался о чем-то своем, подперев кулаком подбородок и рассматривая нас.

– Кира. Кира Найтли и Натали Портман. Вот так вы похожи. Как сестры. Думаю, что это будет идеальный тандем.

– Кира Найт – мой старый псевдоним, – пояснила я зачем-то. Настоящая фамилия Наумова.

– Ой, Кира. Не обращайтесь внимания, – бодро отчеканила Даниела. – Мы все очень индивидуальны. То что вы такая нежная и женственная очень хорошо для нашей книги. Я уверена, что мы сработаемся.

Действительно. Типаж у нас был похож: темные волосы и карие глаза, правильные черты лица, чувственные губы. Я все еще не до конца осознала масштаб ее личности, но наконец-то сообразила, что это именно та певица, которую я случайно видела пару раз по телевизору. Там на ней была тонна макияжа, укладка, сценический наряд – все это делало ее ослепительно эффектной, но добавляло лет десять к возрасту. Передо мной же сидела своя девчонка. Простая, душевная. Но это была она – дива с экрана – Даниела Смолич.

В тот день я подписалась на Даниелу в Инстаграм. Она была активным пользователем. Почти два миллиона подписчиков. Много фотографий с фотосессий для различных журналов, интервью, фото- и видеоролики с записи клипов, совместные снимки со знаменитостями не только России, но и мировой величины.

Я впитывала с какой-то маниакальной жадностью всю информацию о своей будущей клиентке. Просматривала ее «сторис». Сначала – с целью сбора информации для книги, но со временем жизнь Даниелы так увлекла меня, что я начала подпитываться этими короткими зарисовками из сети довольная личным знакомством и скорым сотрудничеством. При этом Даниела транслировала ровно столько, чтобы ничего было непонятно: свободна ли она, где ее дом, кто ее близкие друзья. Мне было приятно осознавать, что скоро я буду знать о жизни дивы Инстаграма чуть больше, чем ее два миллиона подписчиков.

Но сначала пришлось понервничать. Эдичка выслал мне договор в тот же вечер, а после некоторых моих правок пропал на две недели. Это были долгие мучительные недели. Каждый день я теряла надежду, представляя себе, что они нашли другого райтера. Напомнить о себе не смела. Но жила в каком-то вязком аду. Ходила на работу, писала для депутата, который с трудом выкроил время для очередного интервью и выдал мне гору путанной противоречивой информации.

Мое удрученное состояние прервала сама Даниела. Она прислала мне информацию о времени и месте встречи, уточнив, будет ли мне удобно.

Мы встретились в лобби-баре отеля «Ритц». На этот раз вдвоем. Накануне утром Эдик прислал мне подписанный договор, а на карту упал аванс от имени Даниелы.

Она снова начала с извинений:

– Выдались насыщенные дни, я не могла выкроить и часа для встречи.

– Ничего страшного, – сказала я. Спасибо, что не год меня мурыжили.

Я завороченно наблюдала за каждым ее движением. Как она небрежно бросает сумочку «Dior» на свободное кресло, поправляет обеими руками блестящие длинные волосы, завитые в локоны на концах. Сегодня она явно при большем параде, чем в нашу первую встречу. Белый брючный костюм в тонкую серую полоску придавал ей деловитости, не умаляя при этом оглу-

шающей женственности. Каждое движение, каждая линия ее силуэта, каждое слово и каждый взгляд говорили – я секс, я чувственность, я женщина.

– С чего начнем?

– Давайте по порядку, – я положила между нами телефон с включенным диктофоном. –

Вы не против?

– Конечно, нет, – она закинула ногу на ногу и обхватила колено обеими руками.

– Расскажите о себе. Ваша профессия. Творческий путь. Детство. Семья.

– Хорошо. Но главной героиней буду не я сама, а вымышленный персонаж. Естественно, у нас будет много общего.

Я кивнула.

– Я певица в стиле соул, джаз. Автор песен. Много лет жила в Лондоне. Оттуда будет много историй. Уже в двадцать пять лет у меня было множество наград в области музыки. Записывалась в одной студии с Эми Уайнхаус. Но мне не нужна попсовая популярность, узнаваемость в узких кругах меня вполне устраивает.

Я родилась в Минске, в еврейской семье, мой отец был таксистом, а мать фармацевтом. Но, как ни странно, именно они внесли основную лепту в воспитание моего музыкального вкуса, собрав коллекцию пластинок Эллы Фитцджеральд и Фрэнка Синатры. Среди родственников со стороны матери было немало джазовых музыкантов, а бабушка по отцу любила вспоминать о юношеском романе с Эдди Рознером. Этот джазовый трубач внес ощутимый вклад в развитие джаза советских времен.

Кира, вы наверное не очень много знали о джазе до нашей встречи?

– О, я не знала ровным счетом ничего! – искренне отозвалась я.

– Наша книга должна получиться большим джазовым произведением, только из слов. При этом она должна отразить не столько мою биографию, сколько мое мировоззрение, мои мысли. Какие качества помогли мне освоить и не бросить любимое занятие. Это применимо к любой области. И конечно, это будет в первую очередь книга для девушек. О том как культивировать свою женственность, о том, что нам, прекрасным созданиям подвластно все, а прекрасна каждая по-своему, главное, разглядеть в себе это, вытащить из себя.

– Понятно. Но все-таки мы же посвятим несколько строк детству героини?

– Конечно. Истоки формирования – это очень важно. Я не была избалована в детстве ни вниманием, ни комплиментами. Родители любили меня спокойной любовью, не фанатичной.

– Поясните, Даниела, – детали очень важны. – В чем это заключалось?

– Меня не баловали красивыми нарядами. Одевали опрятно, но не было излишеств. Не повторяли, что я самая красивая бесчисленное количество раз, не пытались сделать из меня спортсменку, балерину, даже отличницу. Я бы даже сказала бережно готовили к жизненным поражениям, к тому что мечтать надо аккуратнее, скромнее, – смеется.

– Это свойственно советскому воспитанию, – заметила я.

– Именно! Вы совершенно правы. И далеко не все представители нашего с вами поколения сумели «исцелиться» от того стереотипного воспитания. Именно оно делает мамочек нашего поколения просто заикленными на своих чадах. Ну знаете, гиперопека, повышенное внимание. У нас этого не было, но мы выросли достойными людьми.

Я была согласна с Даниелой, хоть она и не спросила, есть ли у меня дети. И про себя не сказала. Судя по блогу в Инстаграм, семьи у нее не было. Но сразу оговорилась:

– Опять же, книга будет не обо мне. Мы придумаем героиню, которая будет похожа на меня, из моего поколения, но чуть моложе. И она будет свободна. Мы покажем ее путь. Ее поиск своего дела. Своей любви. А мою историю возьмем за базу.

Даниела с упоением рассказала о долгом пути до записи дебютного альбома. О том как научилась играть на гитаре в двенадцать, как расширяла кругозор, слушая самую разную музыку, как ее исключили из театральной школы, как в тринадцать она создала собственную

группу и начала записывать песни, как ей повезло подружиться с известным поп-исполнителем и переехать в Лондон, где ее демо-записи попали в руки крутых менеджеров, искавших молодых джазовых вокалисток. Как в шестнадцать она подписала контракт и начала выступать как профессиональная певица.

– Наша цель не в том, чтобы донести до читателя факт удачного знакомства, который определил судьбу героини. Мы покажем, как она общалась с этим человеком, как она с ним подружилась и вызвала у него желание помочь именно ей, а не любой другой дебютантке, готовой на все, лишь бы не упустить шанс выгодно себя продать. У нас получится увлекательная и далеко не самая стандартная история успеха, Кира.

Всего лишь полчаса общения с Даниелой, а я уже не могу скрыть восхищения. Достаточно вспомнить себя в возрасте, о котором только что говорила Даниела. Ни цели, ни стремлений, ни каких-либо направленных действий. Девичьи дурацкие проблемы, максимализм, глупые мысли, тормозящие какое-либо конструктивное развитие. С каждым словом Даниелы внутри меня поднимается цунами негодования к самой себе: как я могла так бездарно растрачивать драгоценное время? И вместе с тем осознание, как полезно будет почитать эту книгу матерям девочек. Ведь мама – единственный близкий человек, который может направить, подсказать, ну или хотя бы не мешать.

– В Лондоне я была эпатажной личностью. Тексты песен были весьма откровенными, такие маленькие исповеди, которые на «Ура» воспринимала молодежь. Мы с моим менеджером постоянно придумывали какие-то истории, делали неоднозначные заявления, подогревали интерес к моей персоне. Но на улицах меня все равно не узнавали, потому что мой повседневный образ сильно отличался от сценического. Теперь же я по большей части выступаю в камерной обстановке. У меня много других серьезных бизнесов, быть попсовой личностью не мое.

– Но у вас больше миллиона подписчиков в «Инстаграм».

– По современным меркам это не так уж много. Да и там в основном молодые девушки, которые хотят научиться в чем-то быть похожими на меня. А моя цель, и цель нашей книги – донести до них, что походить на меня не сделает их счастливыми. Что начинать нужно с себя. А я расскажу, как это сделать.

– Знаете, Даниела, недавно моя мастер маникюра увидела вас по телевизору и сказала, что вы известны в Ереване.

– О, в последнее время я там частая гостья, это правда. Я очень хорошо дружу с дочкой президента Армении, а она заведует всей музыкальной индустрией страны. И вот они пригласили меня представлять страну на одном международном песенном конкурсе. А потом записали клип. В Армении он действительно очень долго находился в топе музыкальных чартов.

Прислушиваясь к собственным эмоциям я понимаю, какая уникальная книга может получиться со слов Даниелы, и у меня уже чешутся подушечки пальцев, чтобы поскорее начать записывать вдохновляющую историю этой невероятной женщины.

Декабрь 20*1

Что-то в моем мироощущении начинает меняться. На многие вещи я смотрю по-новому. Ощущаю себя по-другому, невольно ассоциируя с Даниелой. В ней нет ничего сверхъестественного, а она столького достигла. Может, меня вдохновляла наша похожесть, которую так ошибочно уловил Эдичка.

Еще вчера я сказала бы, что мол ну конечно у нее есть талант – потрясающий голос. Но после одного из разговоров с Даниелой поняла, что каждый богат чем-то своим. И у меня это тоже есть.

– Вы понимаете, Кира, все мы в той или иной степени обслуживаем друг друга. Все дело в том, насколько хорошо мы это делаем, насколько хорошо знаем своё дело. Я пою для других. Пою как королева, и живу как королева. Сегодня я наняла вас, но вы настолько хорошо сделаете свою работу, что тоже выйдете из заурядных писателей. Если конечно вы хотите чего-то большего. Ведь многим ничего не нужно. Это грустно.

В такие моменты я с трудом сдерживалась, чтобы не перевести разговор на себя. Мол, как же так, я же старалась. Я же хороший писатель. Почти достигла своей промежуточной цели, но вдруг все сорвалось. Не по моей вине.

Но Даниела и без моих вставок начинала рассказывать о своих ошибках и неудачах, без которых она не стала бы той, кем является сейчас.

Впервые в жизни я поняла, что хорошая, а точнее, любимая работа, это как раз та, которую ты с удовольствием выполнил бы бесплатно, но на деле тебе за нее еще и платят приличные деньги.

– Завязать правильные отношения, то есть выгодные и приятные тебе – это искусство. Особенно, чтобы твой партнер при этом тоже чувствовал себя в выигрыше. Я говорю и про бизнес, и про дружбу, и про любовь.

А ведь и правда – наш тандем живое тому доказательство. Я счастлива работать с Даниелой, просто находиться рядом с ней, подпитываться ее энергией изобилия, любоваться ее неброской красотой (я ведь сама не сразу оценила ее при первой встрече). А она благодарит меня за тексты, которые я скидываю ей после каждой беседы. Ей нравится, что получается. Она говорит, что я хорошо ее чувствую.

– Но еще большее искусство – выходить из любых отношений так, чтобы оставить после себя теплоту, легкое приятное послевкусие, а не погром и разочарование. Ну и, конечно, уходить нужно вовремя: с вечеринки, с деловой встречи, из отношений.

Вот это тоже интересно. Мое слабое место. В теории я отлично представляла, как заканчивать отношения, какие слова говорить на прощание и как красиво уходить. Но на деле либо сбегала, словно воришка, либо тянула мертвую лошадь до самого конца. На вечеринках же, еще с юношеских лет я была тем человеком, который встречал рассвет на кухне в компании самых стойких.

Теперь я отчасти понимала, чем это было вызвано. Я избегала нахождения наедине с собой. Это время всегда казалось мне потраченным зря. И только сейчас, отчасти благодаря Даниеле, я начала понимать ценность уединения.

После разговоров с ней мне хотелось работать, прислушиваться к себе, просто гулять. Я сократила общение с Линдой и Яной. Как бы это по-снобски ни звучало, их интересы и задачи почти не пересекались с моими. Нет, я не вычеркиваю их из жизни, у меня мало кто остался кроме них, но расставляю приоритеты. Мне важно много работать, высыпаться хотя бы пару раз в неделю, прислушиваться к себе. К тому же с ними я не могла поговорить о Данииле из-за строгих условий конфиденциальности нашей работы, которые были прописаны в договоре, а другие темы меня мало интересовали.

Однако я заметила, что заряд от встреч с Даниелой имел ограниченный срок действия. Спустя какое-то время после того, как очередной фрагмент текста был обработан и сдан, меня снова медленно, но уверенно накрывала привычная апатия. В моей жизни ничего не менялось. Я следила за всеми перемещениями Даниелы через Инстаграм. Во-первых, мне было просто интересно наблюдать за ней, потому что я уже знала о ней несколько больше, чем рядовые подписчики, во-вторых, так я успокаивалась: Даниела пропала не просто так. Она в отъезде.

К слову, иногда она неделями не возвращалась в Москву. У нее были бизнесы в разных городах и странах, много времени она проводила на родине в Минске. Там у не была своя студия звукозаписи. Эдичка тоже был оттуда, но контролировал ее пиар-компанию по всему миру. Часто путешествовал с ней. Я поймала себя на том, что завидую ему: вроде я тоже работаю с

ней, но времени провожу гораздо меньше. А когда-нибудь книга закончится. Хотя, такими темпами не очень скоро. Изначально Эдичка обозначил срок три месяца. Но сейчас было понятно, что мы в него не уложимся. Хотя я несколько раз напомнила Даниеле о том, что она может присылать мне материал из любой точки мира, например, голосовыми сообщениями. Ведь мне, как писателю, не по наслышке известно, как важно фиксировать мысли, впечатления и состояния в моменте. Но Даниела была весьма ветрена в этих вопросах. Хотя иногда она принимала ванну и записывала для меня голосовые (я слышала всплески воды на фоне).

Я изучала ее одежду, прическу, макияж. Фанатично приглядывалась к мелочам. Однажды я обрадовалась только потому, что у нас с ней совпал цвет маникюра – небесно-голубой. Мне много чего хотелось как у нее. Но радовала даже такая мелочь.

Я люблю, когда с нами Эдичка. При нем Даниела более раскрепощенная и живая. Со мной она все еще немного зажата, чувствуется небольшое напряжение, в котором я виню, конечно же, себя. С Эдичкой она разговаривает на темы, которые не затрагивает со мной. Мне постоянно приходится уточнять: «А это история для книги?» «Нет-нет, что вы!» – смеется в ответ.

Согласно моей теории притягивания противоположностей, причина отсутствия легкости между мной и Даниелой именно наша похожесть. Иначе мы бы уже давно подружились. Она дружит со своим пиар-менеджером, со стилистом, даже с ассистенткой, которая заказывает билеты для ее многочисленных перемещений. А между нами держится дистанция несмотря на то, что она пытается поведать мне о самом сокровенном.

Но Даниела ни разу не проявила чего-то похожего на высокомерие. Наоборот, всегда тактичная, очень щедрая. Я наблюдала за тем, в каких ресторанах она бывает, но всегда перед встречей она предупреждала, что мы с ней позавтракаем или пообедаем. И выставляла все так, что отказаться не оставалось шансов. Она делала акцент на вкусоности блюд и явно не желала наслаждаться ими в одиночестве у меня на глазах. Я поддерживала ее с удовольствием и почти без тени неловкости. Меня так ни на одном свидании не угощали. И я старалась отрабатывать на все сто.

В первый день зимы я еду в троллейбусе по Садовому на встречу с депутатом. Без всякого энтузиазма. Обеденный перерыв. Машину оставила у офиса, чтобы не заморачиваться с парковкой.

Наверное, настроение у меня было бы получше, если бы я ехала по своим делам в такси бизнес-класса и если бы мне не приходилось выбирать между обедом и встречей с клиентом. Но пока ни того, ни другого позволить себе я не могу.

От Даниелы нет вестей почти месяц. Я пытаюсь вспомнить все детали нашей последней беседы. Я слишком много болтала в тот раз. Мне вообще не положено открывать рот без надобности, это не моя история. О, боже. Кажется, я даже жаловалась. Вернее, просто рассказывала про себя, но Даниела наверняка могла расценить это как нытьё. Точно. В какой-то момент она посмотрела на меня удивлённо. Удивление – иногда это самая страшная эмоция от человека, которого ты больше всего боишься разочаровать или потерять.

А может, я много съела? В последние разы я приходила с твердым намерением отказаться от угощений, но не получалось. Надо было хотя бы от десерта и ягод отказаться.

В этом ощущении покинутости и безысходности не было новизны. Когда-то в юности я переживала такие же сильные эмоции, когда парень, который нравился мне, пропадал после свидания или нескольких встреч. Но я немного забыла, как выходить из такого состояния. Как жить дальше? До Даниелы я как-то жила, не очень хорошо, но и не так плохо, как сейчас, когда под языком уже растворилась таблетка новизны и обещания чего-то светлого.

С Даниелой такого, наверное, никогда не случалось, а если и случалось, то она просто удивлялась. Красота в глазах смотрящего. Эту фразу я постоянно примеряла к Даниеле. Она умела радоваться красивому платью, рядовому комплименту, красиво оформленному десерту. Я знала из ее Инстаграм, что она ест эти изысканные десерты каждый день, она жуткая сладкоежка, такая же как и я, но она не теряет способность каждый раз восхищаться чем-то.

В глазах Даниелы особый взгляд на мир. И излучает она особенную энергию. Наблюдая за ней, сложно отделаться от мысли, что она не снимает розовых очков.

Когда мы в последний раз встречались в лобби ее отеля, она отошла в уборную. А вернувшись, очень воодушевленно начала рассказывать, как две молодые девушки в туалете засыпали ее комплиментами. Их восхитили ее украшения, расклешенные джинсы и даже нос.

Так получилось, что вернувшись, она сразу отвлеклась на телефонный звонок, и я, чтобы не подслушивать, тоже решила сходить в туалет. Я уже забыла про историю с девушками, но когда зашла в уборную, там все еще находились те самые девушки: одна сидела на подоконнике с каким-то страдающим и скорбным видом, вторая подкрашивала губы напротив зеркала и говорила подруге что-то успокаивающее. Увидев меня она резко замолчала. Обе девушки проводили меня (нет, мне не показалось) враждебным взглядом. Эти особы точно способны на комплименты? Никогда бы не подумала!

Для меня в какой-то момент стало нормой, что незнакомые женщины, да и мужчины, зачастую, не склонны к дружелюбию, по крайней мере у нас в России. Улыбчивую белозубую Америку вспоминать даже не хочется (единственное место на земле, где мне радовались всегда и все. Пусть и фальшиво, пусть). Но даже привычная к суровым нравам соотечественников, я пожила от таких неприкрыто холодных взглядов.

В чем же, в чем мое такое существенное отличие от Даниэлы? Я яркая и красивая. Красота моя чуть мягче, я бы сказала натуральнее. И тут же задала себе другой вопрос. А с каким лицом в уборную зашла я? Испуганным? Затравленным? Я ведь никогда не улыбнусь первой. А Даниэла наверняка зашла вся сияя, и сияние это притягивало и восхищенные взгляды, и комплименты.

Когда я заперлась в кабинке, мне в голову пришло сравнение со сказкой «Морозко». Насколько по-разному две девушки сходили в один и тот же лес, так же по-разному мы с Даниелой посетили уборную. Но я-то не неотесанная и не грубая. Видимо, в наше время какие-то другие качества мешают успешному исходу каких-либо начинаний.

Я так много думаю о Даниеле, столько сравниваю и так увлекаюсь рассуждениями связанными с ней, что чуть не проехала свою остановку. Этого еще не хватало, и так на счету каждая минута, ведь я точно не уложусь в отведенное для обеда время. Хорошо, что у меня в офисе никто не стоит на пороге с часами. Иначе мне бы точно не удавалось совмещать несколько работ. Деловые люди не хотели встречаться вечерами, когда я свободна. У них это время либо для семьи, либо для тусовок.

Даниела как всегда появилась неожиданно. Под Новый год. Мы снова встретились в лобби-баре ее любимого «Ритца». Я очень соскучилась по ней и с жадностью ждала, с чего же она начнет свой рассказ.

Началось, как всегда, с прекрасного. Как красиво подсвечен праздничный центр. А если б я видела, как украшена Прага! Но у нас все равно лучше. Снег добавляет ощущение волшебства.

Надо же, даже в снегопаде, который прокляли уже все коммунальные службы, автомобилисты и пешеходы, Даниела нашла неоспоримые плюсы.

– Я обожаю зиму. Время глинтвейна и уютных вечеров у камина. Кстати, на днях наконец закончился ремонт в моем загородном доме. Отчасти поэтому я так надолго пропала. Теперь буду чуть посвободнее.

– У вас до этого не было недвижимости в Москве? – иногда я позволяла себе любопытство, которое в рамках нашего сотрудничества не выглядело наглым.

– О, была, конечно. Просто я люблю отели. У меня столько встреч. Чтобы не приглашать всех к себе домой и не колесить целый день по городу, я останавливаюсь на какое-то время в самом центре города, чтобы быть доступной для всех. И мне тут нравится. Всегда держат номер с любимым видом для меня.

Я высказала смелое предположение о том, что тогда мы, возможно, успеем закончить книгу к концу зимы, не учтя, что никакая недвижимость не удержит Даниелу долго на одном месте.

Мы снова заказали еду: по легкому салату и чай с конфетами ручной работы. Выбирать конфеты Даниела потащила меня к витрине буфета.

Диалог идет туго. Даниела постоянно на что-то отвлекается, мысли путаются, она крайне возбуждена. Я начинаю нервничать. От встречи после долгого перерыва я ожидала плотного материала, который разовью на несколько глав. Но пока работать решительно не с чем. Приходится помогать вопросами.

– Кира, сейчас к нам присоединится мой знакомый. Надеюсь, вы не против, – сказала она, проигнорировав мой последний вопрос.

– Даниела, мы можем продолжить в другой раз. Без проблем.

– Нет-нет, останьтесь, пожалуйста. А вот и он. Кира, познакомьтесь, это Макар.

Я сразу понимаю, кто передо мной. Это тот мужчина, с которым Даниела спит. И он идеально подходит для этого. Его сложно не захотеть, но и полюбить невозможно. Потому что он слишком гладкий. Безызынный. Лишенный той самой доли «вопреки» в которую можно отчаянно и беззаветно влюбиться. Он умный и добрый, никогда не обидит. Он красивый, холеный, но не альфонс. Он – ровня Даниеле, они похожи настолько, что никогда не будут вместе, но никогда и не разойдутся, потому что идеально чувствуют и понимают друг друга.

Даниела тепло представляет меня, и ровно настолько тепло он меня принимает, как будто сливаясь в единое целое с восприятием Даниелы.

Я никогда не думала, что свободные отношения могут выглядеть так органично. В моем мире они рано или поздно перерастали во что-то безобразное, причиняли боль. Они засасывали в себя как воронка. Но в случае с Даниелой и Макаром такое развитие было исключено. У них слишком много интересов помимо друг друга, чтобы увязнуть в этой связи.

Я понимаю, что сегодняшняя встреча все-таки будет короткой, потому что двое людей сидящих напротив меня так и пышут сексуальной энергией. Если они прямо сейчас займутся любовью на диванчике в лобби-баре, это будет настолько органично, что даже официанты не придадут значения.

Я замечаю, с каким одобрением смотрит на меня Макар, в то время, как Даниела расхваливает ему свою новую помощницу, и сама при этом не сводит с меня глаз. Я глупо улыбаюсь, но выдерживаю взгляды, устремленные на меня. В глубине души понимаю, что с большой вероятностью понравлюсь мужчине, который без ума от Даниелы, потому что у нас с ней один типаж. Мы очень похожи. Но в то же время я комплекую по поводу своей энергетики. Как будто под ярким фантиком моей внешности легко нащупать пресную конфету из комплексов и неуверенности в себе. Но у меня хороший пример перед глазами, не просто пример, но источник той самой энергии. Так что сейчас, находясь рядом, я меньше всего боюсь разоблачения.

Иногда мне кажется, что я чувствую толику превосходства над Даниелой. Я более спокойная и рассудительная, я превращаю ее мысли в хорошие грамотные тексты, я не так зациклена на мужчинах, не так манерна.

– Скоро у меня в книге будет любовная сцена, – говорит Даниела. – Надо настроиться. Давайте выпьем шампанского!

Я ерзаю в кресле. Думала, что со мной вот-вот попрощаются, и вдруг такое предложение. Оно точно касается меня? Или лучше все-таки попытаться тактично удалиться? Но нет. Если речь пойдет о книге, то как же без меня?

Приносят шампанское и разливают по бокалам. Я гуглила названия всех марок, которые вскользь называла Даниела. Эти детали важны для книги. Делают ее более живой. Так вот минимальная цена этой бутылки – несколько десятков тысяч рублей. Это при заказе через интернет. А с барной наценкой... Это половина цены, которую Даниела по договору должна заплатить мне за книгу.

Все математические расчеты мимолетом проносятся в голове. Я не собиралась отказываться от шампанского, которое, никогда не пробовала и, скорее всего, не попробую. Сама мысль о изысканном напитке пьянит.

На вкус бледно розовый шипучий напиток действительно очень приятен. Хотя едва ли я особенно выделила бы его, попробовав случайно и не подозревая о цене.

– Наша героиня очень чувственна. Но избирательна. Она любит секс. Но не допускает случайных связей. Завоевать ее расположение – целый квест для мужчины. Но следить за накоплением и перераспределением сексуальной энергии – это ее забота. Бывает так хочется секса, что девушка или женщина позволяет максимально приблизить этот процесс. Минуты очень важные стадии.

– А если она просто хочет секса, но не претендует на отношения? – поинтересовалась я.

– Что значит не претендует? – поморщилась Даниела. – Неправильно. Это опять же позиция просительницы. Она может и должна выступать дарительницей. Знаете что? У меня в номере целая корзина с фруктами. Пойдемте их есть. И закажем туда еще шампанского.

Я догадываюсь, что скоро мне тоже придется раздеться, но не комплекую на фоне Даниелы. По комплекции мы похожи. Я чуть ниже ростом, бедра чуть пошире, но ноги тоньше и рельефнее. У Даниелы шире плечи и больше грудь. Но какой-то разительной разницы, чтобы вдруг почувствовать себя убогой и некрасивой на ее фоне нет. А я не понаслышке знаю, что значит чувствовать себя не такой. С Даниелой такого ощущения нет из-за похожести.

Кожа у Даниелы бархатистая, молочная, но тело все равно не лишено обычных для женщины изъянов: немножко складочек, немножко растяжек, немножко целлюлита. Но все эти мелочи не портят красивое ухоженное женственное тело. Напротив, похожесть на Даниелу побуждает меня полюбить себя, раскрепоститься: ведь я почти так же прекрасна. А в чем-то лучше. Моя кожа более смуглая и будет выгоднее контрастировать с белоснежными простынями.

Что потом? Настигнет ли нас чувство стыда? С чего бы? Это трезвое решение Даниелы, которое она, я уверена, приняла до того, как заказала шампанское. Дорогое шампанское, которое даже не справилось со своей задачей: немного расслабить и раскрепостить, потому что оказалось совсем легким. Я уже давно не пила сладкую бурду типа «Советского шампанского», но даже просеко и брюты хотя бы ненадолго дарили рассудку шипучую легкость.

Ну и хорошо. Я запомню этот день во всех деталях. И не сделаю лишнего, за что будет особенно стыдно. В конце концов, почему бы не отнестись к происходящему так, как следует – с профессиональным хладнокровием. Это часть моей работы. Сегодня вот такое необычное занятие – наблюдать за любовниками. Насчет своего дальнейшего участия я почти не переживаю. Будоражащее любопытство – не более. Я уверена, что эти двое все сделают за меня. Я завидую их раскрепощенности и всем существом стремлюсь соответствовать.

Поэтому когда Даниела села на кровати боком ко мне, чуть раздвинула колени, откинула назад волосы, и, посмотрев на меня, призывно кивнула, я не стала медлить. Встала, стянула

через голову платье, затем сняла колготки и, оставшись в одном белье, которое, естественно, не соответствовало подобному случаю, подошла к кровати и присела рядом с любовниками.

Белье лучше было бы стянуть вместе с остальной одеждой, с досадой подумала я, поймав оценивающий взгляд Даниелы. Но это было бы слишком дерзко для меня.

Первым делом Даниела просит дотронуться до нее. Я понимаю, что сейчас должна почувствовать и позже перенести должным образом на бумагу те ощущения, которые испытывает мужчина, касаясь Даниелы.

Я касаюсь ее колени, и рука сама плывет вверх. В этот же момент на своем бедре чувствую горячую и чуть влажную руку Макара. Не обращая на него внимания, Даниела привлекает меня к себе так близко, что я чувствую нежную мягкость ее груди. Мне хочется коснуться ее руками. Любопытство, с которым я стремлюсь изучать устройство этой женщины, смешивается с возбуждением. Почему-то мне странно видеть в ней, в Даниеле, что-то общее с любой другой женщиной, ведь она не может быть как все. Макар тем временем очень ловко помогает мне избавиться от остатков одежды. Рука моя наконец нащупывает самое горячее место. Я впервые коснулась другую женщину там, и моими пальцами продолжает двигать любопытство: что же испытывает мужчина трогая женщину? У меня и у самой внизу уже все пульсирует, требуя выхода. Помочь с этим может только Макар. В этот момент я уже теряю зарождающийся интерес к нежным женским ласкам. Мне хочется привычного ощущения мужчины внутри себя. Макар и Даниела безошибочно считывают мое желание.

Мне захотелось немного прогуляться по снежной Москве. Остыть. Затеряться в толпе. Пожалуй, можно пройтись до рождественского рынка на площади.

Я не знала, как определить то, что произошло между мной и Даниелой. Нами обладал один мужчина. Я не столько любовалась ею, сколько считывала каждое движение. Хочется поучиться у нее и этому. Не зря Даниела говорила, что после близости с ней никто никогда не пропадал, наоборот влюблялся еще сильнее. Я не могла похвастаться подобными успехами. Хотя мне до сих пор кажется, что ее поведение в постели, да и не только – чересчур театрально. Мужчин действительно нравится это?

Пожалуй, Макс был одним из немногих, кто принимал меня такой, какой я была: немного стеснительной и зажатой. Я не чувствовала себя такой, но, как оказалось, со стороны не выглядела раскрепощенной. Макс не высказывал мне претензий по поводу того, что я слишком тихая в постели или не склонна к разного рода экспериментам. В некотором смысле он оказался даже консервативнее чем я, и все равно мне было с ним хорошо, как ни с кем. Уж точно не с теми, кто тащил в постель всякие посторонние предметы или призывал кричать погромче.

Я жадно следила за Даниелой. Вела она себя немного по-киношному, в лучших голливудских традициях, но не похоже, чтобы симулировала хоть один сладкий вздох или стон. Она получала истинное наслаждение от себя, упивалась собственным телом и чужими прикосновениями к нему. Любой, кто оказывался рядом, органично становился частью этого блаженства и вряд ли добровольно упустил бы возможность когда-нибудь повторить. Истина, которая звучит из каждого приемника, не так уж надуманна: все начинается с любви к себе.

Даниела снова пропала почти на три недели. Ничего удивительного, что она не в состоянии выдавать материал систематически. Долгие периоды прокрастинации свойственны даже настоящему писателю – это я знала по себе. Мне не остается ничего, кроме как наблюдать за жизнью своей подопечной в Инстаграм. А жизнь ее кипит, очевидно, ей совсем не до книги. Хотя я не сомневаюсь, что книга важна для Даниелы, и она обязательно доведет дело до конца. Вопрос времени. Которое замедляется для меня каждый раз, когда Даниела долго не объявляется, и в конце концов просто останавливается неуклюже пробуксовывая. Я выверяла текст, перечитывая снова и снова, и в конце концов откладывала.

Никогда так остро не ощущала пустоту собственного существования. Этот контраст особенно явен по сравнению с жизнью Даниелы, каждый день которой наполнен яркими фее-ричными событиями, цветами, комплиментами, подарками, встречами, красивыми вещами и едой. Сегодня она летает на вертолете, завтра оформляет недвижимость в Дубаи, послезавтра играет в гольф, а потом наносит очередной визит в Минск, где самый шикарный отель города оказывает ей королевский прием.

Каждая наша встреча даже после небольшого перерыва сопровождается словами: «Ой, Кира, вы себе не представляете! За эти дни набралось материала на целую книгу». У меня начинало складываться стойкое впечатление, что некоторые пришли в этот мир, чтобы жить и брать от него все, а некоторые, чтобы наблюдать. И больше всего на свете мне хотелось покинуть трибуну наблюдателя и занять почетное место на главной арене. И только вдохновляясь примером Даниелы, я допускала мысль, что это возможно. Но есть загвоздка – все упирается в деньги, в большие деньги, которые я должна как-то заработать сама.

Январь 20*2

Когда я взялась за ручку стеклянной двери, за которой виднелась маленькая кофейня, предварявшая вход в библиотеку, все фонари на Чистых разом погасли. Я не верю в знаки, но люблю отмечать детали. У меня избирательная память, но все что происходило дальше – отложилось в ней фотографически. Потому что когда встречаешь способного заинтересовать тебя человека, да еще и вот так вдруг, все декорации происходящего впечатываются в память не хуже его образа. Погасшие фонари. Дорабатывающая последние минуты кофейня. Темный читальный зал с двумя рядами спящих мониторов. А за следующей дверью приглушенный свет и отголоски какого-то действия.

Мне уже давно никто не нравился, особенно вот так, с первого взгляда. Я была уверена, что цинизм, разросшийся с возрастом, подобно опухоли, застраховал меня от глупых влюбленностей, которые приводят только к неуместным или разрушающим привязанностям, ошибкам и падениям. Это было неожиданно – встретить его на литературном вечере. Как будто кто-то невидимой рукой разом сбросил все мои настройки самосохранения. Я даже не собиралась туда. Просто зашла в библиотеку поработать, а в большом зале проходит литературная дискуссия. Я заняла свободное место.

Может быть, я и вернулась бы в читальный зал, но его речь затянула меня. В небольшом тускло освещенном помещении сидели известные мне литераторы, редакторы, писатели и критики. Точно. На этой неделе проходит большой фестиваль литературного журнала, а я и забыла. Про то, что в пятницу мы с Линдой идем на Квест удовольствия, я не забыла. А про фестиваль забыла. Вот такой я писатель. Так мне и надо.

Я ведь никогда не стремилась превратить свое писательство в чисто коммерческую историю. Пусть это будет отдельно. Но я хочу развиваться как большой писатель, а для этого нужно посещать вот такие вечера, публиковаться в некоммерческих, но скорее имиджевых изданиях.

Никто, в том числе и говорящий, не придал значения моему появлению. А мне почему-то очень хотелось, чтобы он заметил меня, чтобы я понравилась ему с первого взгляда, как и он мне. Как будто забыла, как редко в моей жизни случалась взаимность. А вдруг теперь все по-другому? Тем более у меня появилось живое пособие по оболыщению людей (не только мужчин) в виде Даниелы.

Я была уверена, что никто из этой тусовки не знал, а если и слышал, то давно забыл о прошлогоднем скандале с участием несостоявшейся «авторки» «Арго» Кирой Найт (в миру Наумовой). Многие в литсообществе пытались протащить в словарный обиход этот жуткий и бесполезный, коверкающий язык, феминитив.

Почему я не видела его раньше? Он говорит о тексте так складно. Рука потянулась конспектировать за ним в заметки телефона. Но помимо ровной интересной речи, он по-своему привлекателен. Вернее, по-моему, раз уж я нашла его таким.

Я уже упоминала о том, что в литературной среде с мужчинами в привычном (опять же моем) понимании туго. Встречаясь с Максом, я понимала, что мы совершенно на разных интеллектуальных уровнях. Он не был и никогда уже не стал бы тем, чей ум мне хотелось бы познавать с увлеченностью пытливого исследователя. Но я как-то убедила себя, что у меня полно других источников пищи для ума.

А вот этот светловолосый парень с собранной в короткий хвост на затылке шевелюрой мог бы многому меня научить. С таким можно вести долгие ночные разговоры о литературе и других культурных явлениях. С недавнего времени я особенно остро ощущала эту потребность – в пище для ума. Только никто не хотел меня ей кормить.

И при мысли о нас как паре неизбежно случается откат в прошлое, где я вечно недостаточно хороша, умна, или красива для кого-то или чего-то. Даниела бы сейчас поставила мне двойку за домашку по повышению самооценки. Но наперекор всему я задумалась – было ли во мне что-то, что могло бы его заинтересовать? Макс всегда считал меня невозможно умной. Писательница. Мой роман ему понравился, он прочитал его из любопытства, когда мы только начали встречаться. И посчитал гениальным. Но разве он мог оценить его?

Выходит, это какой-то бег по кругу. Восхищаться и одновременно вызывать восхищение – задача непростая. Опять же – для меня. Но не для Даниелы.

Вот он посмотрел на меня. Но рассуждая о высоких материях, может ли он заинтересоваться случайной привлекательной слушательницей? У него наверное встает только на мозги, а я вот никогда не умела намеренно и к месту блеснуть умом. Скорее наоборот.

Я неплохо пишу. Но интуитивно. Я самоучка. И уж точно ни разу не оратор.

Снова его взгляд метнулся в мой темный угол. Он, в конце концов, в первую очередь мужик. А я красивая молодая женщина. Которая собралась на «Квест удовольствий».

В общем, про квест, будь он неладен. Не знаю, как Линда меня уговорила. Яне она даже предлагать не стала. Ну а Кира согласна на любые безумства. Это все знают. «Натуральная свинг-вечеринка» – нелепо отнекивалась я. «Да брось ты, – успокаивала меня Линда, – Можешь просто ходить и глазеть, как это делают другие. Никто тебя не тронет без твоего позволения. В браслете ты неприкасаема. Их всем выдают на входе. И только если ты захочешь, чтобы тебе доставили удовольствие, можешь его снять». В общем, квест заключается в том, чтобы найти свое удовольствие. В объятьях совершенно посторонних людей – актеров квеста. Или просто глаза на них. Только ни Линда и никто другой не знал, что мне такое удовольствие не в новинку.

Может, поэтому я и согласилась? Или это моя темная похотливая сторона? А библиотеки и литературные вечера лишь прикрытие? Хотя я никогда не понимала, почему чтобы любить книги нужно быть серым неопрятным асексуалом, как большинство дам в этом зале. Нет, все чаще встречаются привлекательные девочки и мальчики в литературном мире, но до сих пор это было скорее исключением.

Самое смешное, что квест легко можно приплести к литературной тематике, потому что называется он «О, дивный новый мир». Создатели впечатлились сценами из одноименного современного сериала, снятого по классической антиутопии Хаксли.

В ряду из пяти спикеров сидела Арина Рутт – готическая и очень чувственная девушка – писательница, одна из основательниц известной школы литературного мастерства. Я восхищалась ее талантом. Среди многих зазнававшихся умников она была настоящей. У неё хотелось поучиться – не только писать – глубоко и проникновенно, – но и складно говорить.

Мы познакомились года три назад. Я посещала ее презентации и творческие вечера. Она меня запомнила. И даже дала мне свой электронный адрес для отправки рукописи на озна-

комление. Она сказала, что если ей понравится, то она поможет пристроить текст. Но за три года обратной связи я не дождалась. А напомнить о себе то ли стеснялась, то ли боялась. Не прочитала или не понравилось? Этот вопрос остался открытым.

Но меня пригласили в литературную тусовку. Вспомнилась радость ежемесячных встреч. Мы снимали квартиру на один вечер в центре Москвы. Туда набивалось до тридцати человек. Говорили о писательстве, делились текстами и достижениями. Гора обуви в прихожей, героические вешалки и крючки для одежды (особенно в холодное время года). Каждый новый гость неизменно с бутылкой вина подмышкой и пакетом еды.

Толпились на просторной кухне, разбившись в группы по двое-трое. Потом перетекали в гостиную, садились в круг, читали, обсуждали. Короткие перебежки за вином. И неизменное: «А давайте закажем пиццу».

Каждое последнее воскресенье месяца. Когда мы начали встречаться с Максом, я сразу обозначила, что в этот день меня ни для кого нет. Он поначалу немного нервничал. Я засиживалась там допоздна. Но уверила его, что на этих вечерах мужчины как бы не совсем мужчины. «Задроты книжные?» – уточнил он. Да, – согласилась я, чтобы успокоить его. Хотя и сама все больше убеждалась, что мужчины-писатели не в моем вкусе.

Как же зовут этого белобрысого? Такой притягательный тембр! Я приблизила через камеру телефона табличку с его именем. Без очков разглядеть не могла. Захар Шива. Загуглила. Молодой писатель. Критик. Молодой – скорее всего моложе меня. Арина тоже моложе меня, но с защищенной докторской по литературе. Давно не видела ее. Еще до скандала я не успела рассказать коллегам из тусовки про договор с издательством, а после – больше не выходила на связь.

Когда дискуссия закончилась, кто-то из зрителей засобиравшись уходить, но большинство обступили спикеров, чтобы познакомиться, выразить признательность или переговорить тет-а-тет. Я все никак не могла придумать повода заговорить с Захаром. Казалось, он меня сразу раскусит. Симпатия всегда делала меня робкой. А тут она возникла так стихийно, неожиданно. И от того было особенно волнительно.

Но я могла подойти к Арине. К тому же, она и сама, заметив меня, очень обрадовалась.

– Кира, давно не виделись! – Арина была очень милой и скорее всего даже не притворялась. Хотя я привыкла сомневаться на этот счет. Рады видеть? Меня? С чего бы? – Куда ты пропала?

– Напряженные времена по работе. Долго не писала. Сейчас вот начинаю потихоньку. – Я не знала, стоит ли говорить, что сегодня оказалась тут случайно.

Партия в стандартные любезности была сыграна. На этом моменте внимание моего собеседника обычно переключалось на кого-то другого. Но Арина снова заговорила со мной.

– Кира, в пятницу мы отмечаем завершение фестиваля. Собираемся у меня. Я продала квартиру в Лондоне. И теперь обосновалась в Москве. Вернее, в Одинцово. Там большой дом. Приедешь?

Пока Арина говорила, я успела подумать о том, откуда у писательницы (а Арина еще не была известной в широком смысле) деньги на такие операции с недвижимостью, попутно вспомнила, что у нее вроде бы не бедные родители, испытала приятное удовлетворение от того, что меня все еще зовут на такие крутые тусовки, заволновалась потому что к нам подошел Захар и, в конце концов, вспомнила, что на пятницу у меня договоренность с Линдой.

– В эту пятницу? – уточнила я.

– Да. Фестивалим еще два дня, а потом отмечаем. Ну и, конечно, делимся новостями с теми, кого давно не видели. Это Кира, – обратилась Арина к Захару. Вы встречались?

– Нет, – мы с Захаром синхронно замотали головой.

– Ну тогда до пятницы? Я добавлю тебя в чат встречи.

– Я буду очень рада. Спасибо.

Захар казался отстраненным, ему явно не терпелось переговорить с Ариной. Я кивнула им и отошла.

Да нет, ничего с таким типом у меня не получилось бы. Он явно умник не только по книгам, но и по жизни. Я сотру себя от стремления ему угождать, подстраиваться под него. Мне нужны более легкие отношения. Но так хочется, чтобы рядом был интеллект. И богатый. И мужественный. Наверное, нужно определиться. Но почему я вечно должна делать выбор между важным и важным?

Для начала нужно определиться кто я. И чем займусь в эту пятницу. Несмотря на только что полученное приглашение, я не забывала про квест. Хотя несколько минут назад эта затея казалась абсурдной, теперь вдруг стала заманчивой.

С другой стороны, я снова пишу. И восстановить связи в литературном мире будет не лишним. И еще этот Захар. Мне так давно никто не нравился, особенно вот так – с первого взгляда. Есть ли хоть малейший шанс, что это взаимно?

У меня впереди два дня на раздумья. Не буду пока огорчать Линду. Она так меня уговаривала.

Писать сегодня больше не хотелось. Я вышла из библиотеки, села в машину и перед тем как тронуться, на автомате пролистала истории в Инстаграм.

Даниела уже который день не вылезала из калейдоскопа светской жизни. Яркие, на грани безвкусицы, мероприятия. Звездные тусовки. Кричащие наряды, каждый день новые укладки, безупречный макияж. Черт с ней с безвкусицей, у меня голова шла кругом от того, как полно Даниела проживает каждый свой день, в то время как я погрязла в размышлениях по поводу того, куда мне податься в ближайшую пятницу. Так всегда. О тебе могут не вспоминать неделями, но потом обязательно случится накладка и тебя позовут в два интересных места в одно время.

Честно говоря, мысленно я уже подбирала слова, чтобы отказать Линде. Но что-то корбило меня. С ней мы договорились, она рассчитывает на меня. А Арина пригласила, скорее всего, для галочки. Никто не заметит, если я проигнорирую приглашение. В последнее время расставлению приоритетов я уделяла особенное внимание. А еще важно прислушиваться к себе, но когда внутри тебя вечный хаос, этот прием работает плохо.

В пятницу в пять часов вечера я оделась во все черное. Кожаные укороченные брюки Zaga, майку и пиджак. Максимально нейтрально чтобы вписаться в любой формат. Я все еще не решила куда пойти. И это было мучительно! Мучительными были последние два дня, пока я пыталась сделать выбор. На первый взгляд простой и ничего не определяющий. Не покидала мысль, что со мной что-то не так, раз я умудрилась известить себя по такому пустяковому вопросу. Подумаешь, приняла два приглашения на один вечер. Это не просто проблема выбора. Или проблема глобального выбора? Или я на самом деле не хочу находиться ни там, ни там? Или наоборот слишком остро желаю.

Так я в нерешительности ерзала на высоком стуле за барной стойкой, когда пришло сообщение от Даниелы. Она предлагала приехать сегодня к ней в дом на Новую Ригу, чтобы продолжить работу над книгой. Вот и решилась судьба вечера! Я ответила, что выезжаю и радостно прыгнула со стула. Вот так и растворяются все сомнения, когда поступает именно то предложение, которого ждешь.

Правда, пока я ехала по заснеженной дороге, меня снова начали одолевать сомнения. Все-таки мне нужно как-то отстраивать свою жизнь от жизни Даниелы. Может, квест удовольствий, пахнущий развратом, и литературная тусовка с флером высокомерия и снобства и не совсем то, что нужно, но что-то же должно быть.

На душе потеплело, когда автоматические ворота бесшумно распахнулись, впуская меня в зимнюю сказку. Дом с панорамными окнами и теплый огонек внутри. Сегодня нас ждут разговоры у камина.

– Надо было отправить за тобой такси, – сокрушалась Даниела, встречая меня.

– Почему? Я прекрасно доехала, – сказала я, снимая куртку и боясь уронить даже каплю растаявшего снега на идеально чистый блестящий плиточный пол. Тут даже стены дышали богатством и благополучием.

– Да, доехала ты быстро. Просто я сварила глинтвейн. Но есть и безалкогольный. Не то, конечно. Но тоже вкусный. И сыр. Привезла из Швейцарии.

Мы у ourselves у камина.

– Даниела, это был интересный опыт. Но просто, чтобы вы знали, – я все еще обращаюсь к ней на «вы», надо же, – я абсолютно гетеросексуальна и абсолютно люблю мужчин. Несмотря ни на что. То есть... Мне бы впору их разлюбить, учитывая весь прошлый опыт, но нет, я вряд ли сменю ориентацию когда-нибудь.

– Понимаю. Тут ориентация совсем ни при чем. Я тоже абсолютно люблю мужчин, как вы выразились, – и она не перешла на ты. – Тут скорее здоровая тяга к познанию. Ну и хотелось как можно нагляднее продемонстрировать материал для постельной сцены. Теперь я не сомневаюсь, что вы опишите ее как надо, – Даниела закатила глаза, демонстрируя как я со своим-то навыком, а теперь еще и практикой, распишу эту сцену.

Ничего не поменялось, не возникло вполне ожидаемого неловкого напряжения. Все по-прежнему. Я вздыхаю с облегчением и делаю глоток горячего терпкого напитка, настраиваясь на материал для новой главы.

– В нашей книге мы не будем расписывать постельную сцену, как в дешевом бульварном романе. У нас вообще нет цели заострять на ней внимание. Скорее, есть цель пронести через всю книгу силу женской сексуальности. Показать, что женская сексуальная энергетика главенствует над всеми процессами и без нее не происходит каких-либо значимых событий и побед в жизни женщины.

Вот, значит, в чем дело! Я уже включила диктофон, но параллельно делаю пометки в блокноте. Даже если бы я не была райтером Даниелы, я бы определенно зафиксировала эту мысль.

– Даниела, ваша книга бесценна. Иногда мне не верится, что вы действительно решили поделиться всеми этими секретами с тысячами читателей. Потому что слушая вас, я чувствую, как становлюсь обладательницей чуть ли не сакрального знания.

Может быть, Даниела расчувствовалась от моих слов, а может спланировала это заранее, но вдруг протянула мне пластиковую карточку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.